

INSPIRIA



**а**наит  
**г**ригорян  
**О**сьминог



INSPIRIA

# Анаит Суреновна Григорян

## Осьминог

### Серия «Loft. Современный роман»

*Текст предоставлен правообладателем  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=64733951](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64733951)  
Осьминог / Анаит Григорян: Эксмо; Москва; 2021  
ISBN 978-5-04-117567-2*

#### Аннотация

На маленьком рыбацком острове Химакадзима, затерянном в заливе Микава, жизнь течет размеренно и скучно. Туристы здесь – редкость, достопримечательностей немного, зато местного колорита – хоть отбавляй. В этот непривычный, удивительный для иностранца быт погружается с головой молодой человек из России. Правда, скучать ему не придется – ведь на остров приходит сезон тайфунов. Что подготовили героям божества, загадочные ками-сама, правдивы ли пугающие легенды, что рассказывают местные рыбаки, и действительно ли на Химакадзиму надвигается страшное цунами? Смогут ли герои изменить судьбу, услышать собственное сердце, понять, что – действительно бесценно, а что – только водяная пыль, рассыпающаяся в непроглядной мгле, да глиняные черепки разбитой ловушки для осьминогов...

«Анаит Григорян поминутно распахивает бамбуковые шторы и объясняет читателю всякие мелкие подробности японского

быта, заглядывает в недра уличного торгового автомата, подслушивает разговор простых японцев, где парадоксально уживаются изысканная вежливость и бесцеремонность – словом, позволяет заглянуть в японский мир, японскую культуру, и даже увидеть японскую душу глазами русского экспата». – Владислав Толстов, книжный обозреватель.

# Содержание

#	9
Конец ознакомительного фрагмента.	131

# **Анаит Григорян**

## **Осьминог**

Издано в авторской редакции

© Григорян А., текст, 2021

© Белявская Е., иллюстрация на переплете, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021







**а**наит  
**г**ригорян  
**о**сьминог

  
INSPIRIA

МОСКВА  
2021



#

#####  
#####  
#####  
#####  
#####  
## ##

Остров Химакадзима (####) располагается в заливе Микава в префектуре Айти примерно в десяти километрах к востоку от побережья полуострова Тита и принадлежит к административному центру Минамитита. Высшая точка острова находится в его средней части в 30,2 метра над уровнем моря. Несмотря на то что Химакадзима является популярным направлением внутреннего туризма и упоминается в ряде источников начиная с периода Эдо, а также послужил прототипом места действия в некоторых современных романах, многие японцы до сих пор не подозревают о его существовании.

– Арэкусандору-сан, – с трудом выговорил официант, занятый вливанием молока в высокий стакан с латте. – У европейцев такие сложные имена...

– У вас тоже имя необычное – Кисё. Пишется как «благо-

родный» и «военачальник»?<sup>1</sup>

– Не совсем так. – Официант не обернулся, но по какому-то неуловимому изменению его позы было ясно, что он улыбается. – Мое имя пишется катаканой<sup>2</sup>. – Он помолчал немного и добавил: – Мама вычитала в какой-то книжке. Думаю, это тоже что-то европейское. Вы всегда пьете на ночь сладкий кофе?

– Обычно да. – Александр попытался устроиться поудобнее на высоком барном стуле. – Я от него лучше засыпаю.

– Аа... вот как...

Александр приходил сюда уже несколько дней подряд и обычно перебрасывался с официантом парой дежурных фраз, а теперь, видимо, перешел в разряд постоянных посетителей и мог рассчитывать на беседу взамен рассматривания деревянных дощечек с написанными прихотливой скорописью названиями блюд и подвешенных над барной стойкой сушеных рыб-фугу. Рыб было порядка двух десятков, и выглядели они так, будто в последние два-три года с них ни разу не смахивали пыль. За спиной официанта на стене висел большой яркий плакат с изображениями представите-

---

<sup>1</sup> Сочетание иероглифов # – «благородный/драгоценный» и # – «полководец/военачальник» читается как «Кисё:» с удлинением на втором слоге. (Удлинения слогов в основном тексте указаны при необходимости).

<sup>2</sup> ### или ##### – одна из двух (наряду с хираганой) графических форм японской слоговой азбуки, то есть не иероглифического письма. Катаканой записываются преимущественно заимствованные из других языков слова, в том числе иностранные имена.

лей морской живности, которых можно было поймать у берегов Японии и употребить в пищу, с подписанными японскими и английскими названиями: мадай – морской окунь, судзуки – японский морской окунь, нидзимасу – радужная форель, мэ-ита-гарэй – камбала, намако – морской огурец, аваби – морское ушко и еще с десятков креветок, у которых по большей части были только японские подписи. Александру больше всего нравились сару-эби, «креветка-обезьяна», ёси-эби – «тростниковая креветка», и громадная, с пивную кружку величиной, курума-эби, «креветка-повозка», в белом панцире с черными полосами. Кто-то подписал рядом с ней красным маркером: «водится только в префектуре Айти».

По вечерам, если не считать праздников и выходных, в «Тако»<sup>3</sup> было совсем немного народа. Обычно люди приходили сюда в обед, и часам к пяти-шести вечера ресторан пустел, только за барной стойкой оставались двое-трое муж-

---

<sup>3</sup> # (встречаются и другие варианты написания: более распространенный #, а также ## или #) – «осьминог». Приведенные иероглифы несколько различаются по смыслу: если # состоит из иероглифических ключей «рыба» и «сходство», то # – из ключей «червь» и «сходство», а сочетание знаков ## или # – из частей «рыба» и «эмблема». Вопрос выбора подходящего иероглифа в результате сводится к тому, на что, по мнению человека, больше похож внешне и по своей сути осьминог – на рыбу или на червя. Здесь нужно заметить, что иероглифическая запись названий рыб и животных – скорее редкость и может встретиться в старых текстах или на выполненных каллиграфией вывесках ресторанов, а в обычном письме японцы предпочтут использовать более простую катакану, записанное которой слово «тако» будет выглядеть как ##.

чин, не спешивших домой и предпочитавших за бутылкой пива обсудить последние новости. Правда, с новостями на Химакадзиме было не очень, за три часа неспешным шагом можно было обойти весь остров, и если летом и зимой, согласно путеводителям, сюда приезжало множество туристов, то в межсезонье, а уж тем более с наступлением сезона тайфунов он производил впечатление пустынного. «Тако» был единственным крупным рестораном на всем побережье, пропахшим рыбой и моллюсками, как и все на Химакадзиме, и единственной достопримечательностью, кроме нескольких небольших буддийских храмов, синтоистского святилища Хатимана<sup>4</sup> на западной оконечности острова и качелей, подвешенных между двух высоких сосен. Теперь, правда, дорожка к качелям была такой скользкой, что едва ли какая-нибудь влюбленная парочка решилась бы до них дойти.

Возле дальней стены почти до самого потолка возвышался громадный аквариум с выловленными на днях морскими обитателями, под которым в заполненных водой синих пластиковых поддонах копошились мелкие креветки, полосатые морские раки, покоились неподвижными живыми гру-

---

<sup>4</sup> ### (Яхата-но-ками или Хатиман-син, буквально «бог восьми знамен» (имеются в виду восемь небесных знамен, по легенде, явившихся при рождении божественного императора Одзин) – синтоистский бог войны, а также моря и рисовых полей, один из покровителей Японии. В культе Хатимана прослеживаются черты как синтоизма, так и буддизма, ему посвящено большое количество храмов, главный из которых – Уса-дзингу (####) в префектуре Оита.

дами торигай – крупные мидии величиной с мужскую ладонь и с крохотным съедобным содержимым. Приходя в «Тако», Александр старался сесть так, чтобы не видеть этого аквариума: когда кто-нибудь из посетителей заказывал рыбу, повар с сачком поднимался по деревянной лесенке с четырьмя ступенями, стоявшей сбоку от аквариума, перегибался через осклизлый от водорослей край, вылавливал из прозрачной, но все равно казавшейся какой-то упругой и вязкой воды подходящую рыбу, ловко перебрасывал ее на мокрый пол, затем, спустившись, брал один из нескольких приставленных к стене длинных гвоздодеров и приканчивал трепыхавшуюся рыбу одним точным ударом по голове. Раздавался короткий неприятный хруст, рыба еще несколько раз конвульсивно дергалась и затихала, пока ее несли на кухню.

– До: 30<sup>5</sup>. – Кисё поставил на барную стойку стакан, увенчанный оплывающим облаком сливок: на сливки, карамель и цветную сахарную пудру он не скупился, видимо, стараясь порадовать клиента, но в результате латте у него получался сладким до приторности. – Enjoy your coffee (он произнес эту фразу как «эндзё: ё: ко: хи:»). Может быть, что-то еще?

– Нет, спасибо большое.

Кисё на мгновение задумался, потом отвернулся, взял небольшую тарелку и насыпал в нее с горкой мелких снежков – тоже, судя по их виду, сладких.

---

<sup>5</sup> ### – «пожалуйста» (в самых разных значениях, аналогичных употреблению слова в русском языке).

– За счет заведения.

Александр поблагодарил, отпил через соломинку немного латте и сунул в рот маленькое печенье, посыпанное кунжутом и какой-то красной пудрой: пудра оказалась подкрашенным сахаром, кунжут, похоже, жарили в сахарном сиропе, но само печенье было соленым. Он улыбнулся: к представлениям японцев о сочетаниях вкусов европейцу было привыкнуть не проще, чем к перехватывающему дыхание рыбному запаху, хотя уже спустя несколько часов после приезда Александр поймал себя на мысли, что этот запах перестал его беспокоить, а через несколько дней даже как будто совсем исчез. Кисё отвернулся и принялся возиться на своем столе: убрал с него стаканы, бокалы и бутылки с ликерами и сиропами, капнул на когда-то блестящую, а теперь матовую из-за многочисленных царапин поверхность средство для посуды с сильным апельсиновым запахом, растер его влажной тряпкой, затем все собрал, сполоснул тряпку под краном, еще раз тщательно все протер. Кисё был довольно высокий, худощавый, как большинство японцев, двигался легко и грациозно, как будто в прошлом занимался балетом, и, моя посуду или протирая стол, не сутулился. Медно-рыжие – скорее всего, крашенные – слегка волнистые волосы лежали на его голове плотной, немного растрепанной шапкой. Лицо с мягкими чертами можно было бы назвать красивым, если бы не широковатый, чуть приплюснутый нос и едва заметно приподнятые уголки рта, что придавало ему насмешливое и даже хит-

роватое выражение, странно не сочетавшееся с внимательным и серьезным взглядом, так что, когда Кисё задавал дежурный вопрос «О-гэнки дэс ка?»<sup>6</sup>, непонятно было, соблюдает ли он правила приличия, действительно интересуется здоровьем собеседника или подшучивает над ним. Впрочем, его приветливая улыбка и спокойный голос тотчас сглаживали любое неприятное впечатление, если оно вообще могло возникнуть, а учитывая некоторые недостатки внешности, его с легкостью можно было представить в какой-нибудь дораме<sup>7</sup> в роли, например, лучшего друга главного героя. Александру вспомнился недавно виденный в кинотеатре фильм, в котором два паренька, брюнет и рыжий, расследовали убийства девушек-студенток. Кисё сильно выделялся на фоне местных, и трудно было поверить, что его предки – несколько поколений рыбаков, промышлявших ловлей фугу, небольших акул, лангустов и осьминогов – любимого местного деликатеса. Девушки в него, наверное, легко влюблялись.

– Скажите, Кисё... – Александр сделал еще один глоток латте и с трудом удержался, чтобы не поморщиться. – Можно задать вам личный вопрос?

---

<sup>6</sup> #####, «Как ваши дела?», стандартная фраза при встрече, буквально «Вы здоровы?/Здоровы ли вы?».

<sup>7</sup> ##### (тэрэби дорама, от англ. television drama) или просто ### (дорама) – японские телевизионные сериалы. Несмотря на название, дорамы выпускаются в самых разных жанрах: комедия, детектив, ужасы, историческая драма и так далее.

– А? Конечно, Арэкусандору-сан. – Кисё обернулся, не выпуская из рук бокал, который протирал салфеткой, – было видно, какие у него длинные и тонкие пальцы – как у музыканта или писателя. – Какой у вас ко мне личный вопрос?

– Вы отсюда?

– В смысле?

– В смысле, с Химакадзимы? Здесь родились?

– А-а... – Кисё поставил бокал на стойку, донышко тихо стукнуло по отполированному множеством рукавов дереву. – Нет, я родился в Осаке. Это долгая история.

– Любовная? – Спросил Александр и тут же осекся: Кисё был, очевидно, лет на пять его моложе, но все равно вышло не очень вежливо. Про себя он подумал, что по речи официанта едва ли можно сказать, что он из Осаки: кансайский выговор<sup>8</sup> даже иностранцу опознать не сложно.

Кисё немного нахмурился, не переставая при этом улыбаться.

– Не совсем. Вернее, нет, не любовная. Сложности на работе.

– Понятно. Почти как у меня. – Александр усмехнулся, глотнул еще латте и отправил в рот пару сладко-соленых снэ-

---

<sup>8</sup> Кансайский диалект (### – Кансай бэн) и его наиболее характерный вариант – осакский диалект (### – О: сака бэн) – группа диалектов, распространенных в регионе Кансай. Носители литературного японского считают Кансай бэн более мелодичным, но в то же время – грубоватым и жестким. Кансайский диалект включает в себя довольно большое количество характерных слов и выражений, так что его носителя легко узнать.



ков. – Сложности на работе...

– Это вряд ли. – Кисё взял в руки очередной стакан и принялся ловко протирать его изнутри, хотя тот, насколько мог судить Александр, и без того был совершенно чистым. – Сомневаюсь, что наши истории хоть чем-нибудь похожи.

Левый рукав у него слегка задрался, и был виден плотно охватывающий запястье красный ремешок часов – судя по всему, приобретенных в каком-нибудь магазинчике возле крупной станции.

– Осака – шумный город, да? – Сказал Александр первое, что пришло ему на ум в связи с Осакой, чтобы как-то загладить возникшую неловкость.

– Немногим более шумный, чем Токио. – Кисё пожал плечами.

– Разве что в нем меньше порядка и очень много лестниц – переходы через дороги в основном поверху, ноги от этого немного устают. Но люди в Осаке очень душевные. И там хороший океанариум.

Он замолчал и отвернулся. Александр принялся изучать взглядом поверхность барной стойки. Судя по шороху за окном и усилившемуся запаху рыбы и водорослей – во влажную погоду море всегда пахло сильнее, – на улице шел настоящий ливень. Александру вспомнилось, как две недели назад он точно в такую же погоду приехал на маленький остров из Нагоя: его двухлетний рабочий контракт в банке подошел к концу, и руководство не пожелало его продлевать.

Оно, в общем, и понятно, Александр и сам знал, что не был таким уж ценным сотрудником, особенно учитывая его не идеальное знание делового японского. Рабочая виза позволяла ему уехать из страны еще через полтора месяца, а оставшиеся деньги – прожить эти полтора месяца в скромном отеле где-нибудь неподалеку от центра города, и если бы его сейчас спросили, зачем его понесло на Химакадзиму, он бы не нашелся, что ответить. Не хотелось возвращаться в Россию и краснеть перед родными и друзьями, рассказывая, как Канагава-сан<sup>9</sup> – пожилой японец с круглым добродушным лицом, неуловимо напоминавший Александру отца, – выражает свое сожаление: «Арэкусандору-сан, вы проявили в работе незаурядные профессиональные качества и рвение (ну да, как же!), однако мы более не заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве с вами». Глядя на господина Канагаву, можно было подумать, что он действительно сожалеет, хотя, может статься, так оно и было: Александру было известно, что об одной иностранной сотруднице, сильно тосковавшей по дому, начальник заботился совершенно бескорыстно и даже сводил ее пару раз в Кабуки, а когда у той закончился контракт, помог устроиться в другое отделение Банка Нагоя. От этого на душе становилось еще тяжелее: если бы его выгнал какой-нибудь самодур! Не то чтобы Александр совсем не умел врать, но говорить про господина Ка-

---

<sup>9</sup> ## – фамилия бывшего начальника Александра состоит из иероглифов «золото/деньги» и «река».

нагаву плохо у него бы язык не повернулся, поэтому через несколько дней после их разговора, когда уже было ясно, что руководство своего решения не изменит, он пролистал наобум банковский телефонный справочник и наткнулся на отсутствующий в большинстве путеводителей для иностранцев крошечный рыбацкий островок. Единственным добравшимся до него банком был JA<sup>10</sup>, у которого на Химакадзуме имелось собственное отделение – как выяснилось впоследствии, маленький тихий офис с развешанными на стенах детскими рисунками (школьный конкурс «Нарисуй своих друзей Осьминога и Рыбу Фугу!» 2011 года, от влаги большинство рисунков сильно покорибилось) и парой выдавших виды банкоматов, один из которых был постоянно сломан. Еще через день насквозь пропахший дизелем и немилосердно мотавшийся на серых волнах паром «Хаябуса»<sup>11</sup> вез его от нагойского порта Кова на Химакадзиму, где он заранее снял комнату в частном доме в районе Набуто на западном побережье. Две недели! Казалось, что прошло не меньше двух месяцев: время на Химакадзуме, как и в любой провинции, текло медленнее, чем в большом городе.

– Теперь вы знаете обо мне достаточно, – закончив с уборкой, Кисё занялся складыванием тряпочек и губок в ровные

---

<sup>10</sup> Japan Agricultural Cooperatives, сокращённо JA#### (джэй-эй банку) – одно из крупных японских банковских объединений.

<sup>11</sup> ##### – буквально «сапсан». Нужно сказать, что в Японии довольно большое количество компаний носят это название.

стопки на краю мойки, – чтобы мы могли называться друзьями.

Александр хотел было возразить, что не знает о Кисё ровным счетом ничего, но вместо этого сказал, что всегда хотел съездить в Осаку и посмотреть тамошний океанариум, но все никак не складывалось.

– Вот как... а я там даже работал некоторое время. – Кисё окинул критическим взглядом свое рабочее место, ища, что бы еще прибрать или поправить. – По выходным там много детей, они бегают по огромному коридору внутри аквариума с акулами и мантами и кричат, их это очень забавляет, а родители им это позволяют. Однажды пришла женщина с мальчиком – думаю, он только-только начал учиться в младшей школе. Он подошел к стеклу аквариума, и к нему подплыла самая большая манта, которую еще называют «морским óни». Манты вообще довольно медлительны и нередко застывают на одном месте, как бы паря в толще воды. Думаю, на самом деле они не видят людей, хотя и может показаться, будто они вас пристально рассматривают. «Это морской óни<sup>12</sup>, – сказала мальчику мама, – он живет глубоко в океане». Услышав это, мальчик отшатнулся от стекла и заплакал. Мама стала его успокаивать, но он знай себе твердил:

---

<sup>12</sup> # – «черт», «дьявол». В действительности гигантский скат *Manta birostris* называется на японском ##### или #####, что читается как «они ито маки эй» и состоит из иероглифов «черт», «нить», «свиток» и «скат». Мама мальчика объясняет ему название рыбы, используя японскую кальку с европейских языков, в которых манту нередко называют «морским чертом» или «морским дьяволом».

«Морской ёни утащит меня в океан! Морской ёни утопит меня! Не хочу, не хочу, не хочу!» А манта застыла с другой стороны стекла и не думала никуда уплывать, как будто ей и вправду было любопытно. Наконец мама мальчика рассердилась и сказала ему: «Если ты не прекратишь реветь, то не получишь сегодня мороженого, понял? Если не прекратишь реветь, пока я считаю до десяти... ити, ни, сан, ён, го... ты меня понял?... року... нана... хати...»

– Он перестал плакать?

– Нет. – Кисё с улыбкой покачал головой. – Видимо, наш ёни сильно напугал его. Кончилось тем, что мама взяла его за руку и увела на улицу, а когда они ушли, морской ёни наконец перевернулся и уплыл в глубину аквариума. Я до сих пор помню лицо того мальчика, как сильно он испугался.

– Думаете, мама действительно не купила ему мороженого?

Официант пожал плечами:

– Если немного пофантазировать, то большой скат и вправду похож на рогатого ёни в черном хаори<sup>13</sup>. Но жаль, конечно, что безобидной рыбе дали такое название.

В ресторан зашла пара: парень и девушка, судя по их виду, вчерашние студенты. Кисё обернулся на звякнувший дверной колокольчик и улыбнулся – как показалось Алексан-

---

<sup>13</sup> ## – верхнее кимоно длиной выше колена, часть как мужского, так и женского традиционного костюма. В русском языке существует ошибочный перевод «хаори» как «японского жакета», также имеет место и обратная ситуация: русскоговорящие японцы зачастую переводят «хаори» как «пальто».

дру, чуть более сердечно, чем обычно. Парень приветственно махнул рукой:

– Охайо<sup>14</sup>, Камата<sup>15</sup>! Ничего себе погода, да? Настоящий тайфун!

Его спутница в слишком легком для начала октября европейском платье и босоножках смущенно улыбнулась. На ее плечи была наброшена потертая джинсовая куртка, видимо, принадлежавшая ее другу. Она не вдела руки в рукава и куталась в нее, как в платок, но все равно явно зябла.

– А, Игараси-сан<sup>16</sup>, добрый вечер! Давно не виделись! – Кисё взял две большие чашки и поставил в микроволновку на полторы минуты, положив туда же свернутые в тугие валики влажные полотенца для рук. – Но главное все же – погода в человеческом сердце, как думаете? Если в сердце весна и зацветает магнолия, никакой тайфун ему не страшен.

– Я же тебе говорил, он забавный. Молодой, а рассуждает, будто столетний дед. – Парень потрепал замерзшую девушку по плечу: – Ну, ты как? Совсем продрогла? Слышь, Камата, это моя девушка, Ясуда Томоко<sup>17</sup>. Она учится в Токио. Кра-

---

<sup>14</sup> ### или ##### (охаё:, разговорное сокращение от вежливого #####, охаё: годзаимас(у)), «Доброе утро!/С добрым утром!».

<sup>15</sup> ##, фамилия состоит из иероглифов «серп» и «рисовое поле».

<sup>16</sup> ###, состоит из иероглифов «пять», «десять» и «буря/шторм/гроза», то есть переводится буквально как «пятьдесят штормов» или, метафорически, как «тысяча штормов».

<sup>17</sup> ## ## (Ясуда Томоко) – фамилия девушки означает буквально «спокойное рисовое поле», имя – «дружелюбное дитя». Фамилия в японском написании ста-

сотка, что скажешь?

Кисё вынул чашки из микроволновки, проверил, достаточно ли они нагрелись, насыпал в каждую порошка маття<sup>18</sup>, плеснул кипятка и быстро взбил чай венчиком, у которого недоставало половины лепестков, а оставшиеся были погнуты и торчали в разные стороны. Затем, поставив перед молодыми людьми чашки и дав им теплые полотенца, он смерил девушку нарочито изучающим взглядом.

– Да, действительно, Ясуда-сан – редкая красавица. В эпоху Эдо слава о ней распространилась бы по всей Японии.

– Эй, ты только не вздумай к ней клеиться! – Парень подхватил чашку одной рукой, отхлебнул маття и подмигнул официанту. – Не то я быстро с тобой разберусь, не посмотрю, что мы друзья! Ээ, какой терпкий вкус, сразу ясно, что свежий! Слышал ты меня, Камата? Даже и не пытайся задурить ей голову своим красноречием, знаю я тебя!

– Акио... – Девушка потянула его за рукав. – Не надо...

– Не беспокойтесь, Ясуда-сан. – Кисё успокаивающе махнул рукой и слегка поклонился. – Как сказал Игараси-сан, мы ведь друзья, а значит, беспокоиться совсем не о чем.

– Но... – Девушка, похоже, собиралась возразить, но в по-

---

вится на первое место, имя – на второе.

<sup>18</sup> ## – буквально «растертый чай». Порошковый зеленый чай, используемый как в классической чайной церемонии, так и подаваемый в некоторых кафе и ресторанах наряду с обычным зеленым чаем (для определения которого в разговорной речи можно встретить словосочетание### – нихонтя, – то есть буквально «японский чай»).

следний момент передумала и замолчала.

– Дурацкий тайфун. – Вторым глотком ее спутник осушил свою чашку, и официант тотчас услужливо ее забрал. – В такие дни жалеешь, что живешь на острове!

– Если подумать, то вся Япония – это сплошные острова, – отозвался Кисё, размешивая новую порцию маття. – Куда бы человек ни поехал, ему никак не уйти от тайфуна.

Александр рассеянно помешал соломинкой остывший латте. Поскольку делать было все равно нечего, он рассматривал парня и девушку (больше все-таки девушку), которые сели за столик поблизости, и прислушивался к разговору. Ему показалось, что Кисё, обычно сдержанно вежливый и отстраненный, насмехается над Акио – высоким и симпатичным японцем, хотя, наверное, недостаточно симпатичным, чтобы полностью соответствовать своему имени<sup>19</sup>. Александру подумалось, что больше всего он похож на провинциального любителя бейсбола из рассказов Харуки Мураками, и вот ему-то как раз хорошо бы подошел кансайский диалект. Что до Томоко, то она и вправду была настоящей красавицей, из тех, о ком мечтают средних лет отцы семейств и иностранцы, приезжающие в Японию познакомиться с местными девушками. Эдакая застенчивая куколка с огромными глазами – удивительное дело, даже неakra-

---

<sup>19</sup> Существует несколько вариантов написания имени Акио, но Александр, очевидно, думает о ##, в котором второй иероглиф означает «мужчину», а первый – «акацуки» – «рассвет/утреннюю зарю».



шенная: может, подумала о дожде, который неизбежно испортил бы макияж, а может, и впрямь была скромницей.

– Да ладно, можешь называть ее Томоко, главное, что не будешь клеиться. – Акио отпил еще маття и вытер рот тыльной стороной ладони. Если Кисё и подшучивал над ним, до парня это точно не доходило. – Хираме<sup>20</sup> сегодня есть?

Кисё коротко кивнул:

– Как раз сегодня господин Фурукава<sup>21</sup> купил у рыбаков нескольких отличных хираме.

– Давай тогда жареного хираме. А ей вареный рис и модзук<sup>22</sup>, она вегетарианка, совсем не ест рыбу.

Томоко, сидевшая за столом, понурившись и обхватив свою чашку обеими руками – за все время она не сделала ни одного глотка и, видимо, просто грела побелевшие от холода пальцы, – ничего не сказала, только опустила голову еще ниже, так что ее лицо совсем скрылось за влажными прядями длинной челки. Александр почувствовал к девушке какую-то смутную жалостливую нежность, ему захотелось подойти и погладить ее по спине и приобнять за плечи – инте-

---

<sup>20</sup> # или ### – азиатский паралихт, или ложный палтус, *Paralichthys olivaceus*, вид хищных донных рыб, высоко ценимый в Японии и Китае за его вкусовые качества. Обычно употребляется в жареном виде.

<sup>21</sup> ## или ##, фамилия состоит из иероглифов «старый» и разных вариантов иероглифа «река».

<sup>22</sup> ##, ##, ##, ## или ### – вид съедобных водорослей, *Cladosiphon okamuranus*, произрастающих в основном у побережья Окинавы и в настоящее время выращиваемых на специальных плантациях, а также одноименное блюдо.

ресно, что бы сказал на это Акио.

– Фурукава-сан! – Приоткрыв дверь в кухню, крикнул Кисё. – Фурукава-са-а-ан! Хотят одного хираме, рис и модзуку! Просыпайтесь, Фурукава-сан, хватит вам спать, всю свою молодость проспите!

Дождь на улице, на пару минут было притихший, зарядил с новой силой. Девушка поежилась и попыталась еще плотнее укутаться в джинсовую куртку. Александру она напомнила маленького воробья, нахохлившего мокрые перышки в безуспешной попытке согреться.

– Заварить вам свежего чая? – Кисё наклонился над барной стойкой. – Вы не сделали ни одного глотка, и ваш маття, кажется, совсем остыл. Может быть, в Токио и думают иначе, но зеленый порошковый чай – лучшее средство от холода и простуды, вы уж мне поверьте. Взгляните на своего спутника...

Томоко молча покачала головой. Акио хмыкнул, но на этот раз вмешиваться не стал. Александру подумалось, что и правда не похоже, чтобы официант заигрывал с девушкой. Странно, такая красивая... представься ему шанс, он бы с удовольствием сам с ней познакомился. «Если бы ты поменьше смотрел на девушек и побольше – на предложения банка по кредитам и вкладам, то, может быть, господину Канагаве и не пришлось бы объяснять тебе, почему они не заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве», – ехидно заметил внутренний голос. Александр помассировал вис-

ки кончиками пальцев: эта нехитрая процедура обычно помогала ему избавиться от неприятных мыслей и сосредоточиться. Из кухни не торопясь вышел Фурукава-сан – невысокий, сильно загорелый мужчина лет пятидесяти с лысиной во всю голову, но с жесткими седыми усами, обвел недовольным взглядом пустой зал ресторанчика, хмыкнул, почесал жилистую шею и пошел вразвалочку к аквариуму.

– Вам, может быть, еще латте?

– Нет, достаточно, спасибо, Кисё.

Кисё забрал пустой стакан и почти тотчас поставил перед ним новый, доверху наполненный бледным оолонгом<sup>23</sup>, в котором должны были бы плавать кубики льда, но официант явно пренебрег традицией и чай был не ледяным, как обычно, а только слегка прохладным. Александр отпил немного: после приторного латте почти безвкусный оолонг пришелся как нельзя кстати.

– Вы же не пойдете сейчас на улицу, Арэкусандору-сан. – Кисё улыбнулся. – Там ведь настоящий тайфун. А сидеть в ресторане за пустым столом не принято.

– Спасибо вам за беспокойство, Кисё.

– Что вы, это моя работа.

Раздался короткий всплеск, потом громкий влажный шлепок.

---

<sup>23</sup> Кит. ## – оолонг или, в более привычной русской транслитерации, улун – одна из разновидностей полуферментированных китайских чаев. В Японии чаще всего можно встретить холодный оолонг, в который также добавляются кубики льда.

– Тикусё!<sup>24</sup> – Хрипло выругался Фурукава. – Вот же хренова рыба!

– Фурукава-сан, не ругайтесь, пожалуйста, здесь же девушка!

– Хренов хираме! – Не обращая внимания на просьбу Кисё, продолжал разоряться Фурукава. – Хренов лупоглазый ублюдок!

Гвоздодер звякнул о кафель, которым был выложен пол перед аквариумом, – видимо, повар промахнулся. Акио, до того едва сдерживавший смех, громко расхохотался.

– Хренов ублюдок, – с чувством повторил Фурукава. – С этими погаными хираме всегда так! А чего вы хотите от плоской рыбины, у которой даже жопа набекрень!

Александр заставил себя повернуть голову: огромный хираме валялся у самого края кафельной площадки и отчаянно изгибался всем телом, с усилием приподнимая хвост, под которым виднелось желтоватое, как газетный лист, брюхо, и мокро шлепая им по полу. Спина у хираме была глянцево-черная, а глаз Александру видно не было, но он и так знал, что они маленькие, как бусины, черные и совершенно бессмысленные.

– Давай, старик, прикончи его! – Крикнул Акио. – Гам-

---

<sup>24</sup> ## или #####, состоит из иероглифов «скотина» и «жизнь», то есть буквально означает «скотина/животное», а на деле является грубым ругательством, аналогичным выражению «сука!/хрень!/дерьмо!/чёрт поberi!».

барэ!<sup>25</sup>

– Акио... – Девушка снова потянула его за рукав. – Ну не надо...

– Оставь! – Акио дернул плечом.

Фурукава еще раз промахнулся по хираме, съездив гвоздодером по кафелю. Рыбина из последних сил заколотила хвостом и съехала на деревянный пол.

– Вот сука, – угрюмо, уже без всякого задора проговорил Фурукава, пинком вернул хираме на кафель и, не замазываясь, ударил его гвоздодером по голове. Удар получился несильным, и гвоздодер застрял у хираме в черепе.

– Нет, ну что ты будешь делать? Ублюдок, он и есть ублюдок.

– Давай, старик! – Подбодрил Фурукаву Акио. – Покажи этому хираме настоящий ёритаоси<sup>26</sup>!

Фурукава, не обратив на него внимания, поднял рыбу на гвоздодере и пару раз с силой шваркнул об пол. Томоко всхлипнула и закрыла лицо руками. Повар молча снял еще слабо вздрагивавшую рыбу с инструмента – ее череп был размозжен, и голова превратилась в сплошное месиво, – закинул в сачок и понес на кухню.

– Хорошо, хоть осьминога не заказали, – проворчал он се-

---

<sup>25</sup> ### – «держись!/постарайся!» (грубая, в обиходе называемая «мужской», форма глагола).

<sup>26</sup> ##### – один из приемов в борьбе сумо, силовое опрокидывание на спину при обоюдном захвате, обеспечивающее выполнившему прием победу в схватке.

бе под нос, проходя мимо молодых людей. – С этим скользким выродком бывает еще больше возни.

Жареного хираме повар приготовил без головы: Акио, ухмыльнувшись, принялся ловко разделявать рыбу палочками. Кисё продолжал прибираться на столе, протирая несуществующие пятна и тихонько звякая посудой: видимо, он просто физически не мог пребывать в бездействии.

– Не понимаю, как можно есть осьминога, – тихо проговорила Томоко, рассеяннo ковыряя рис с модзукой.

– Вам не нравится вкус осьминога? – Оживился Кисё. – Но ведь...

– Это все равно что есть собаку. Или обезьяну.

– Китайцы едят собак, – буркнул Акио. – И обезьян тоже.

– У нас в кампусе есть аквариум, там живет большой осьминог размером с десятилетнего ребенка. Говорят, ему самому не меньше десяти лет, – не обращая внимания на Акио, продолжала Томоко. – Если приложить ладонь к стеклу, он подплывает и прижимает с другой стороны щупальце – будто бы хочет дотронуться до ладони.

– Ты это сама видела? – Поинтересовался Акио.

– Нет, но мне рассказывали...

– Осьминоги не живут больше пяти лет, – мягко возразил Кисё. – Обычно они умирают в два-три года, так что вас, видимо, ввели в заблуждение, Ясуда-сан. Если это, конечно, не мифический осьминог из старинных преданий, который

мечтал переродиться самым богатым даймё<sup>27</sup> в Японии, – тогда ему может быть и триста лет, но едва ли Токийский университет обладает таким сокровищем.

– Я учусь не в Тодае, Камата-сан, а в университете Васэда на филологическом.

– Но это тоже прекрасный университет, Ясуда-сан. Тодай и Содай<sup>28</sup> – разница всего в одном слоге. К тому же, если говорить о гуманитарных дисциплинах, Васэда даже лучше.

– Какая, нахрен, разница, сколько лет живут осьминоги? – Акио, похоже, этот разговор начал не на шутку раздражать. – Она не ест рыбу и осьминогов, потому что считает, что они на нас похожи, и не может свернуть башку мелкому сяко<sup>29</sup>, потому что трусиха. Если ты не будешь есть нормальную человеческую еду, слышь, Томоко, ты заболеешь и попадешь в больницу, и так вон какая бледная. – Он повернулся к Александру: – Скажите, ведь правда она бледная?

---

<sup>27</sup> ## (буквально – «большое имя») – крупнейшие военные феодалы в средневековой Японии (в периоды Камакура, Муромати, Сэнгоку и Эдо, то есть с конца XII до начала XIX в.).

<sup>28</sup> Здесь можно оценить пристрастие японцев к разного рода сокращениям: Токийский университет (#####, То: кё: дайгаку) превратился в ## (То: дай), а славящийся своими гуманитарными факультетами частный университет Васэда (### ##, Васэда дайгаку) – в ## (Со: дай).

<sup>29</sup> ## или ### – рак-богомол из отряда *Stomatopoda*, похожее на креветку ракообразное. Небольших сяко часто подают живыми, однако здесь Акио явно перегибает палку: считается, что девушке совершенно не обязательно уметь убивать рака-богомолы и другую «живую» еду, и предпочтительнее, чтобы это делал сопровождающий ее мужчина.

– Ваша подруга очень красивая, Игараси-сан. – Александр постарался, чтобы его ответ звучал как можно более нейтрально, и вспылчивый парень ненароком и его не обвинил в том, что он «клеится» к его девушке.

– Красотка, кто ж спорит. – Акио насупился и потыкал палочками в свою тарелку. – А все-таки не есть нормальной еды – не дело. Мои предки тоже так говорят, мол, не дело это – есть один рис и водоросли, так и заболеть недолго. Отец рассказывал, как одному его приятелю попался в сеть анко<sup>30</sup> – совсем небольшой, может, килограмма на два-три бы потянул. Так мужику показалось, будто этот анко на него так жалобно смотрит, мол, мужик, не пускай меня в набэ<sup>31</sup>, лучше отпусти обратно к моей уродливой зубастой родне. В общем, приятель моего отца, конечно, рыбу не отпустил – что он, дурак, что ли! Продали этого анко на рынке и как пить дать в тот же день пустили в анконабэ. Только этот мужик после того случая совсем перестал есть рыбу – так ему было жаль этого анко. – Акио многозначительно замолчал и отправил в рот кусок жареного хираме.

Кисё тоже молчал и загадочно улыбался.

– А что потом? – Не выдержал Александр. – Что стало с этим приятелем вашего отца?

---

<sup>30</sup> ## или ##### – *Lophius piscatorius*, европейский удильщик или морской черт. Свое второе название рыба получила из-за характерной жутковатой внешности.

<sup>31</sup> ## (набэмоно) или просто # (набэ), происходящее от слов «горшок/кастрюля» и «вещь», – общее название японских блюд из самых разнообразных ингредиентов, готовящихся в кастрюле с кипящей водой на манер местного фондю.



– Помер. – Акио назидательно указал палочками на потолок, украшенный прямоугольными стеклянными панелями с традиционным узором ханабиси<sup>32</sup>.

– Хочешь сказать, я тоже скоро умру? – Бесцветным голосом спросила Томоко.

– Ээ! – Парень раздраженно швырнул палочки на стол, они упали с тихим деревянным стуком. – С чего это ты взяла?! Уже ничего и сказать нельзя, никогда не угадаешь, что вам, бабам, взбредет в голову! Нет, ну скажи, Камата, черт же разберет, что у этих баб в головах!

Кисё с понимающей улыбкой пожал плечами.

– Вот и я говорю, – уже спокойнее сказал Акио (видимо, остывал он так же скоро, как сердился), – черт их разберет. И как с ними после этого жить нормальному человеку?

– Я слышал, один студент в Уэно взял в жены лисицу из тамошнего зоопарка. Об этом, кажется, даже Эн-Эйч-Кей<sup>33</sup> писали.

– И что с того? – Буркнул Акио.

– Так ведь обыкновенная лисица, да еще и прожившая бо́льшую часть своей жизни в зоопарке, – будничным тоном пояснил Кисё, – кроме «до: мо аригато: гозаимасу» и «хай,

---

<sup>32</sup> ## или ##### – характерный ромбовидный узор с цветочными и геометрическими мотивами.

<sup>33</sup> NHK (##### Ниппон хо: со: кё: кай, Японская вещательная корпорация) – крупнейшая японская государственная телерадиокомпания. На сайте NHK регулярно публикуются самые актуальные новости на 20 языках, включая русский.

касикомаримасита», ну и еще нескольких фраз на кэйго<sup>34</sup>, вообще ничего сказать не способна, только и делает, что с утра до вечера хлопочет по дому, смахивает с мебели пыль и готовит тонкацу<sup>35</sup>, как самая обыкновенная домохозяйка.

Томоко в ответ на это робко заулыбалась, а Акио накупился.

– В новости было сказано, что молодой человек живет с ней уже почти четыре года, за это время у них родились двойняшки, мальчик и девочка, и никто из соседей или работников социальных служб не заподозрил в ней лисицу. Все как один твердили, что она очень приятная женщина, вежливая, разве что иногда забывала вовремя вынести мусор и выставляла его в общий коридор – впрочем, всегда крепко завязывала уголки пакета.

– Да ну тебя! – Акио наконец тоже не выдержал и улыбнулся. – Как это так, не угадать в бабе лисицу из зоопарка в Уэно?

– Ну, по правде, – согласился Кисё, – воспитательница

---

<sup>34</sup> #####, «большое спасибо», и #####, «будет исполнено/слушаю и повинуюсь». Стандартные фразы кэйго (##), почтительного стиля речи, изобилующего речевыми клише и вежливыми оборотами, который в широком смысле применяется при обращении нижестоящего к вышестоящему, а также представителей персонала к клиенту.

<sup>35</sup> ### – зажаренная во фритюре свиная отбивная котлета, предварительно обвалянная в муке, яйце и панировочных сухарях. В действительности представляет собой одну из популярных разновидностей блюд ё: сёку (##), то есть западной кухни. Считается, что лисы очень любят разнообразные жаренные во фритюре блюда, в особенности темпуру (###) и тонкацу (###).

в детском саду заметила как-то раз кончик хвоста, высунувшийся из-под подола длинной юбки мамы, которая пришла забрать детей, но из вежливости не стала на него указывать.

– Ээ! – Акио вытащил из бумажной упаковки новые палочки и ткнул ими в остатки хираме. – Да чтоб тебя! Скажешь тоже! Лисица! Ну, скажи, Томоко, лисица из зоопарка в Уэно! Можешь ты себе представить, чтобы я, например, женился на такой лисице? Или ты бы пришла в зоопарк, присмотрела себе там лиса и вышла бы за него замуж! Да ты ведь и тонкацу бы его есть не стала, ты же не любишь мясо!

– Это верно, – сказал Кисё. – Лисы очень любят все жареное, в особенности темпуру и тонкацу, а еще тофу<sup>36</sup>, обжаренный на растительном масле. Но больше всего они любят похвалу, так что, если уж брать в жены лису или выходить замуж за лиса, придется отказаться от вегетарианства, Ясуда-сан, и с благодарностью есть лисью стряпню, да еще приговаривать, что ничего вкуснее вы в жизни не пробовали. Хотя, говорят, готовят они и вправду неплохо.

Томоко тихо засмеялась, прикрыв рот ладонью, и на ее до того совсем бледном лице проступил легкий румянец.

Парень с девушкой ушли, когда на улице совсем стемнело.

---

<sup>36</sup> ## (то: фу) – так называемый «соевый творог», широко распространенный в традиционной кухне Китая и Японии, а в настоящее время популярный и на Западе.

Томоко, кажется, так по-настоящему и не согрелась; вежливо попрощавшись с Кисё и Александром, она побрела к выходу, кутаясь в джинсовую куртку. Акио ее обогнал, распахнул перед ней дверь и, когда она выходила на улицу, нежно приобнял за плечи.

Официант взглянул на свои наручные часы:

– Мы скоро закрываемся, Арэкусандору-сан. Хотите что-нибудь еще?

– Нет, Кисё, спасибо. – Александр рассеянно постучал мизинцем по стакану, раздумывая, что еще можно сказать официанту хорошего: – Латте был очень вкусный.

– Мм... – Японец помолчал, расставляя на столе чистую посуду и окидывая рабочее место придирчивым взглядом – не нужно ли еще что прибрать или протереть тряпкой. – Вы, кажется, живете в Набуто?

Александр попытался припомнить, когда говорил Кисё, где остановился, но тот сам пояснил:

– Я на днях видел, как вы покупали сласти в «Судзумэ»<sup>37</sup>. Вряд ли бы вы пошли в кондитерскую в другом районе, так что я предположил, что вы сняли комнату в Набуто или в Нисихама. Набуто – это я наугад сказал.

Александр улыбнулся:

– Вам бы детективом работать.

– Надеюсь, я ничем вас не обидел? Мы могли бы пройтись вместе, если подождете, пока я тут все выключу. Я сам живу

---

<sup>37</sup> Магази́чик в переводе с японского называется «Воробей» (# или ###).

в Нисихама, неподалеку от святилища Хатимана.

– Красивое место.

Из кухни вышел господин Фурукава и принялся подметать пол издававшей виды метлой с длинной ручкой. Время от времени он неодобрительно поглядывал на Александра.

– Фурукава-сан, вы закроете заведение? Я бы хотел проводить нашего гостя.

Александр показалось, что Кисё, хоть и годится повару в сыновья, говорит с ним, как со своим ровесником. Фурукава хмуро посмотрел на младшего коллегу:

– Как хотите. Если вам охота болтаться по этакой сырости.

– Рыба живет в воде всю жизнь, Фурукава-сан, и не жалуется, – с едва различимой иронией в голосе сказал Кисё. – А вы сердитесь на обычный дождь.

Повар в ответ на это только презрительно фыркнул и вернулся к своему занятию, больше впустую размахивая метлой и ломая и без того редкие прутья. Кисё с улыбкой покачал головой и выключил свет над своим столом.

Выйдя на улицу, Александр вдохнул полной грудью влажный воздух: с моря тянуло йодистым запахом водорослей, но было несравнимо свежее, чем в ресторанчике. Дождь закончился, и сумерки были наполнены густым холодным туманом: в свете круглых фонарей кружились бесчисленные водяные капли. Японцы бы сказали, что «сумерки обернуты в туман». Александр рассеянно провел пальцами по мокрому гипсовому иглобрюху, стоявшему у входа в ресторан.

Скульптура была сделана на манер традиционной фигурки тануки<sup>38</sup>: иглобрюх стоял на хвосте, на голове у него была круглая соломенная шляпа, там, где должна была находиться шея, был повязан красный платок, а одним из плавников он держал бутылку сакэ.

– Хороший вечер для прогулки, Арэкусандору-сан.

Кисё вышел на улицу в теплой темно-синей пуховой куртке из «Юникло» – у Александра сложилось впечатление, что здесь едва ли не вся молодежь носила такие. На его рыжих волосах и смуглом лице уже поблескивали капельки влаги. Он с удовольствием потянулся, наклонился, запрокинув руки за голову, вправо и влево, разминая спину, и сделал несколько глубоких вдохов. Было тихо; где-то прошуршала по асфальту медленно ехавшая машина, и слышно было, как с листьев деревьев и с электропроводов срываются время от времени крупные капли да на пристани поскрипывают рыболовецкие катера и лодки, и вода плещется среди волнорезов.

– Удивительно, что дождь кончился. Я думал, если тайфун, так сразу на несколько дней...

– Завтра опять зарядит, не сомневайтесь. Сейчас они идут

---

<sup>38</sup> # или ### – енотовидная собака-оборотень (также в русских переводах можно встретить ошибочные варианты «барсук-оборотень» или «енот-оборотень»). Многочисленные фигурки улыбающихся тануки возле ресторанов и питейных заведений, а также у дверей обычных домов в сельской местности символизируют счастье и благополучие. Считается, что тануки – большие любители выпить, поэтому в лапах они обычно держат бутылочку сакэ и нередко – связку долговых расписок.

один за другим, как стада тунца: десять, двадцать тайфунов, какие-то приносят только небольшой дождь, а другие ломают бамбук в руку толщиной.

– Вы такие видели, Кисё?

– Ну-у... – Официант на мгновение задумался. – Я слышал, шестьдесят лет назад в Японию пришел очень сильный тайфун, который принес огромные разрушения, но я тогда еще не родился.

Он сунул руки в карманы и не торопясь зашагал вниз по улице. Александр, прежде чем последовать за ним, постоял немного возле ресторана, где все еще горел свет: когда они уходили, Фурукава вместо прощания пробурчал что-то неразборчивое. Кисё, похоже, совершенно не обращал внимания на его ворчание: кроме него и повара, в ресторане работали несколько женщин – несмотря на их обычную молчаливость, Александр заметил, что к молодому официанту они относились с большой симпатией. Наверное, у некоторых из них не было детей или дети были уже взрослые и уехали учиться и работать в большие города.

– В такой тихий вечер хочется забыть о работе, – задумчиво проговорил Кисё. Он остановился подле фонарного столба и смотрел куда-то вверх. Здесь улица поворачивала, домов с одной стороны не было, и днем было хорошо видно каменистое побережье, покрытое выброшенными из моря подсохшими водорослями и мелким прибрежным сором.

– Кисё...

– Да?

– Вы давно здесь работаете? Ну, в «Тако»?

Вместо ответа официант хмыкнул и пожал плечами, не переставая рассматривать что-то на столбе. Александр подошел ближе и тоже посмотрел вверх: на высоте примерно в три человеческих роста на облупившейся краске была сделана отметка – толстая черная полоса и едва различимая надпись над ней. Он сощурился, пытаясь прочесть иероглифы.

– Это высота волны цунами в две тысячи одиннадцатом году, – пояснил Кисё.

– Ничего себе... это же...

– Да, примерно шесть метров. Подумать страшно, сколько рыбы тогда погибло.

– Рыбы? – Александр слегка опешил. Кисё стоял перед столбом, сцепив руки за спиной, задрав голову и переминаясь с пятки на носок, и непонятно было, шутит ли он или говорит всерьез.

– Скажите, Арэкусандору-сан, вам ведь понравилась Ясуда Томоко?

– Да, очень красивая девушка.

– Нет, я не об этом. – Кисё развернулся и посмотрел на Александра в упор, но оттого, что на его лицо теперь падала тень, его глаза показались Александру двумя влажно поблескивающими в сумерках черными камешками. – Конечно, Ясуда-сан очень красива, кто же будет с этим спорить. Но красивая девушка и понравившаяся девушка – это все-



таким не одно и то же.

Александр смутился. Ну конечно, Кисё не дурак – сразу понял, что иностранец просидел в пропахшем рыбой ресторанчике весь вечер, рассматривая исподволь красавицу-студентку. К тому же его работа располагает к наблюдательности, иначе от нее быстро с тоски заведешь, а парню, похоже, работать официантом нравилось.

– И вы, конечно, считаете, что ее молодой человек ей не совсем подходит, верно? – Кисё говорил спокойно, почти равнодушно, как если бы он продолжал беседу о событиях, давно канувших в прошлое. – Или даже совсем не подходит, а?

– Послушайте, Камата-сан... – Александр кашлянул, пытаясь придумать, как ответить Кисё получше, и уже жалея, что согласился пройти с ним вместе до дома. Тот терпеливо ждал, чуть склонив набок голову. – Послушайте, если вы думаете, что это потому, что я иностранец... – Он понял, что сейчас запутается и скажет что-нибудь не то. – Конечно, этот ее Акио... короче, они и вправду странная пара: она учится в Васэда, а он, надо думать, среднюю школу-то едва окончил.

– Ну, возможно... – Официант наконец перестал смотреть на Александра и побрел дальше по обочине. – Возможно, он по-настоящему любит ее. Трудно представить их мужем и женой, но сейчас они счастливы.

Александр шел следом, глядя на асфальт под ногами – весь в трещинах и мелких выбоинах, хотя дороги здесь почти

постоянно ремонтировали. Отвечать Кисё на его рассуждения не хотелось: у Александра было неприятное чувство, что японец неизвестно по какому праву и непонятно за что его отчитывает.

– Вы на меня не обиделись? – Кисё искоса посмотрел на собеседника. – Я не хотел сказать ничего, что бы вас задело.

– Это потому, что Акио – ваш друг?

– Ну... – Кисё улыбнулся. – Скорее мы с ним просто приятели.

– Вот как...

– Мы познакомились совсем недавно, Игараси-сан с друзьями тогда ремонтировал лодку на берегу, а я остановился посмотреть, ведь городскому жителю не каждый день случается увидеть такое любопытное занятие. Игараси-сан заметил меня и подошел поближе...

– Чтобы предложить вам экскурсию по их рыболовецкому флоту?

– Нет, на самом деле он собирался бросить в меня промасленной тряпкой, которой вытирал руки, за то, что я слишком долго на них пялился, – рассмеялся официант. – Но мы разговорились, и в конце концов Игараси-сан оказался настолько любезен, что помог мне найти жилье, и я снял небольшую комнату у его знакомых. Очень милые люди и берут недорого.

Они дошли до перекрестка, и Кисё остановился.

– Здесь я с вами прощаюсь. Найдете в темноте дорогу?

– Да она тут все равно одна. Вы здесь живете?

– Чуть дальше. Я вечером всегда захожу в святилище Хатимана, бросаю монетку для ками-сама<sup>39</sup>. Думал позвать вас с собой, но не уверен, что по такой сырости это хорошая идея.

Приверженность японцев – даже тех, которые считали себя атеистами, – традиции посещать святилища Александра неизменно удивляла – так же как их привычка сочетать несочетаемые вкусы. За время своей работы он не раз видел, как старшие коллеги из банка заходили в святилище Инари<sup>40</sup> через дорогу и, поставив на землю свои дипломаты, кланялись забавным статуэткам лис, хлопали, как дети, в ладоши и бросали лисам мелкие монетки. Его начальник Канагава-сан тоже часто заходил в святилище и по пятницам, помимо монеток, оставлял лисам недорогое сакэ «Одзэки» и онигири с умэбоси<sup>41</sup>, купленные в 7-Eleven<sup>42</sup>, а по праздникам – це-

---

<sup>39</sup> # (ками) или уважительно ## (ками-сама) – боги и духовные сущности. Согласно синтоистской традиции, ками существует великое множество, от могущественных, которым посвящены крупные храмы и святилища, до совсем незначительных, почитаемых только в определенной местности.

<sup>40</sup> ### (Инари-но-ками или Инари-син) – одно из главных божеств синтоизма, обычно воспринимается как женщина, хотя встречаются изображения Инари в виде мужчины или андрогина. Божество риса и земледелия, промышленности и житейского успеха. Животное-помощник Инари – лиса, поэтому святилища изобилуют фигурками лис с зажатыми в пасть свитками, ключами от рисовых амбаров и драгоценными жемчужинами исполнения желаний.

<sup>41</sup> Название этого сакэ чаще пишется латиницей, Ozeki, его японское название – ## (о: дзэки) – обозначает титул чемпиона в борьбе сумо. Банка такого сакэ

лый о-бэнто<sup>43</sup>. Как-то раз господин Канагава позвал Александра зайти в святилище вместе, и того дернул черт сказать, что сакэ и онигири ночью забирает бездомный – это, мол, все знают, так зачем же вы, Канагава-сан, каждую пятницу тратите впустую триста восемьдесят иен? Господин Канагава на это только покачал головой и сказал, что Александр сам поймет, если немного подумает. Александр тогда на начальника немного обиделся.

– Кстати говоря, в святилище есть старая кошка, которая

---

(300 мл) стоит около 250 иен, что составляет примерно 150 рублей по среднему курсу 2019 года. Соответственно, 380 иен, по поводу которых сетует Александр, равны примерно 235 рублям.### (умэбоси, буквально «сушеная слива») – маринованные плоды японской сливы, которую также называют «японским абрикосом», *Prunus mume* (# или ##, умэ), распространенная приправа в традиционной японской кухне (строго говоря, слово ###, окадзу, не имеет адекватного перевода на русский язык и обозначает не «приправу», а различные маринованные овощи, соленую рыбу и прочее «вприкуску» к рису). В онигири (####или #####), рисовых колобках с умэбоси, в качестве начинки используется плод целиком без косточки. Такие онигири имеют специфический кисло-соленый вкус.

<sup>42</sup> 7-Eleven – крупнейшая сеть комбини, работающих, как следует из названия, по большей части с 7 утра до 11 вечера, но есть и круглосуточные. Здесь нужно отдельно сказать о том, что такое комбини: #####, сокращенное от ##### (комбиниэнсу сута, от англ. convenience store) – «магазин у дома» или «магазин шаговой доступности», в котором продаются товары первой необходимости (или так называемые товары повседневного спроса), в основном разнообразные готовые продукты, канцелярия, некоторые безрецептурные лекарства и т. д. В Японии чрезвычайно популярны всевозможные комбини, и, кроме 7-Eleven, можно встретить также FamilyMart, Lawson и некоторые другие.

<sup>43</sup> О-бэнто или просто бэнто: (###) – завтрак или обед, упакованный в коробку, обычно включает в себя рис, рыбу или мясо и один или несколько видов нарезанных сырых или маринованных овощей.

пережила то страшное цунами, – как бы между прочим сообщил Кисё.

– Кошка пережила цунами? – Удивился Александр.

– Ну да, – Кисё кивнул. – С трудом верится, правда? Когда пришло цунами, кошка забилась в ящик для пожертвований, который забыли закрыть, и каким-то образом в нем не задохнулась. Должно быть, в ящике оставалось достаточно воздуха. Когда вода отступила, кошку нашли и вытащили из ящика. Она сильно пострадала, ослепла на оба глаза и совершенно оглохла, но осталась жива. Ну ладно. – Он убрал со лба прилипшие мокрые пряди. – Уже почти ночь, а вам еще идти до дома, и может снова начаться дождь. До скорого, Арэкусандору-сан, обязательно заходите на днях в «Тако».

– Обязательно зайду.

– Я серьезно.

Направляясь к дому, Александр не удержался и обернулся, но японца уже не было видно, и дорогу к святилищу Хатимана поглотила непроницаемая темнота.

Всю ночь Александру снились тревожные сны: будто бы он все еще работает в Банке Нагоя и к нему пришли за кредитом Акио и Томоко, он начинает рассказывать им про условия и сроки выплат, как вдруг Акио вскакивает со стула, ударяет кулаком по столу, так что бумаги ворохом сыплотся с него вниз, и кричит: «Эй ты, не вздумай клеиться к моей девушке!» Окружающие вздрагивают и оборачиваются на

них, начинают удивленно перешептываться, и Александр не знает, куда ему деться от накатившего чувства стыда. Он просыпался и подолгу всматривался в невидимый в темноте деревянный потолок маленькой комнатки, в которой помещались только его кровать с наброшенным поверх тонкого одеяла шерстяным покрывалом, встроенный в стену шкаф, керосиновый обогреватель, который японцы называют «су-то: бу»<sup>44</sup>, и небольшая тумбочка для мелких вещей, служившая в случае необходимости письменным столом. Над кроватью висела в простой раме картина Хокусая<sup>45</sup> с изображением карпа: Александру, когда он смотрел на эту картину, казалось, что карп просит кого-нибудь вытащить его наконец из надоевшей воды. На бумаге цвета сильно разбавленного кофе виднелись разводы от настоящей влаги: может быть, когда-то на нее что-то по неосторожности пролили или в доме протекла давно не чиненная крыша – и вода испортила картину.

Можно было, в принципе, снять и что-нибудь получше, но ему сразу понравилась хозяйка – маленькая полноватая женщина лет сорока, болтавшая почти без умолку, просившая называть ее просто Изуми, не надо, мол, никакой Мацуи-сан<sup>46</sup>, «мы тут все люди простые», и сама обращавша-

---

<sup>44</sup> ##–#, от англ. stove, «домашняя печь».

<sup>45</sup> ## ## – Кацусика Хокусай (1760–1849) – художник и гравёр периода Эдо, один из наиболее известных мастеров укиё-э за пределами Японии.

<sup>46</sup> Имя хозяйки, Мацуи Изуми, на японском пишется как ## #, фамилия со-

яся к собеседнику немного фамильярно, как будто она знала его всю жизнь и годилась ему в матери. Как выяснилось в первый же вечер, она была не прочь приложиться к бутылке, к тому же ее мучила бессонница, и по ночам она бродила по дому и выходила подышать воздухом в небольшой заросший сад на заднем дворе. Дверь в сад была старой и сильно перекошенной, так что, как ни старалась хозяйка приоткрыть ее потише, в какой-то момент петли издавали пронзительный визгливый скрип, от которого Александр всякий раз просыпался. На третий день он одолжил в соседней лавочке, торговавшей подержанными вещами, инструменты и смазку, поправил дверь и хорошенько смазал петли: обнаружив это, Изуми едва не прослезилась и заявила, что будет теперь каждый день готовить «милому молодому человеку» завтрак. Готовила она и вправду восхитительно, и нори<sup>47</sup> у нее всегда были свежие и хрустящие – Александр с удивлением вспоминал, что именно к их йодистому вкусу ему было в свое время привыкнуть труднее всего.

В глубине дома закрипели половицы и щелкнул выключатель: у Изуми снова была бессонница. Александр полежал

---

стоит из иероглифов «сосна» и «колодец», а имя означает буквально – «источник/ключ/родник».

<sup>47</sup> ## – различные съедобные виды красных водорослей из рода *Porphyra*. Высушенные на специальных сетках нори используются в различных блюдах японской кухни, в том числе для приготовления суши и роллов. Сухие хрустящие нори очень вкусны, однако размокшие или даже слегка размякшие считаются отвратительными на вкус.

некоторое время с открытыми глазами, потом вылез из-под одеяла, поежился от холода, натянул джинсы и синюю футболку из «Юникло», выпущенную к двадцатилетию манги «Ван-Пис»<sup>48</sup> (улыбающийся широченной белозубой улыбкой главный герой в красной рубашке и соломенной шляпе), и, сунув ноги в тапочки, вышел в коридор.

Изуми, как он и ожидал, сидела на кухне за столом с картонным пакетом «Они-короси»<sup>49</sup>. В качестве закуски она взяла несколько холодных картофельных оладий, которые готовила для Александра утром: зная, что ее постоялец из России, она хотела порадовать его привычной едой.

– Опять вам не спится, Мацуи-сан?

Услышав обращенный к ней вопрос, женщина вздрогнула и обернулась.

– Не напугал вас?

– Скажете тоже – напугали! – Улыбнулась Изуми. – Одинокая женщина ничего не боится! – Она привычным движением плеснула себе в рюмку сакэ, выпила залпом и поморщилась. Видно было, что она все-таки слегка напугана. – Да

---

<sup>48</sup> «Ван-Пис» или «Большой куш» (###–#, от англ. One Piece, на японском звучит как «ван пи: су») – знаменитая манга Эйитиро Оды, ставшая самой продаваемой в мире. Первый выпуск увидел свет в июле 1997 года.

<sup>49</sup> ##### («Они-короси», буквально «Чёртова смерть») – недорогое сакэ, производящееся в городе Такаяма префектуры Гифу и известное своим терпким вкусом. Разливается как в бутылки, так и в картонные пакеты, как молоко или йогурт. В пакете сакэ стоит дешевле: если бутылка (1,8 л) стоит около 1000 иен (примерно 600 рублей по курсу 2019 года), то двухлитровый картонный пакет – около 800–900 иен (примерно 450–500 рублей).



и мне в такую погоду всегда не спится.

– Странно, я думал, обычно наоборот. – Он присел рядом, взял пакет с грубо намалеванными красными бни, аккуратно налил ей еще немного и отставил сакэ подальше. Изуми благодарно кивнула. – Говорят, звук дождя убаюкивает.

– Мой муж утонул как раз в такую ночь, – просто сказала Изуми. – Тогда был конец октября, тоже много дней подряд шел дождь, море волновалось, и все было серое. – Она отпила из рюмки. – Можете надо мной смеяться, но я считаю, если у воды цвет плохой – не надо в нее соваться, добра из этого не выйдет. Говорила ему, подождет твоя работа, вон, лучше по дому что сделай, а то просто полежи, посмотри телевизор – больше будет от тебя толка. Так нет же, уперся, упрямый был мужик, если что в голову взбредет – с места не сдвинешь. – Она вздохнула, допила сакэ и отломил кусочек оладьи (Александр подумал, что без сметаны они совсем не были похожи на настоящие). – Да вы возьмите в шкафчике-то, себе тоже налейте, что ж вы так сидеть будете...

Александр послушно взял из шкафчика рюмку и плеснул себе сакэ из пакета.

– А то, может, если что на роду написано – оно и случится, – продолжала женщина. – Ты вот хоть свяжи человека накрепко да посади его под замок, а если поманил его бог смерти, так он, не удастся ему выпутаться, зубами перегрызет веревку и не в дверь, так в окно вылезет. Если бы я тогда на пороге легла и за ноги его хватала, он бы наступил на ме-

ня и все равно бы в тот день ушел в море.

Александру хотелось сказать ей что-нибудь утешительное, но он не знал что и молчал, держа обеими руками маленькую округлую рюмку и вдыхая терпкий рисовый запах «Они-короси». Черти на пакете добродушно лыбились клыкастыми пастьми.

– А сами-то вы почему не спите? – Первой нарушила молчание Изуми. – Бродите по дому среди ночи, как какое-нибудь привидение.

– Да так, просто сон плохой приснился... знаете, Мацуи-сан, днем я встретил одну девушку... – Сказал Александр, осекся и подсадовал про себя на выпитую рюмку сакэ.

Хозяйка тотчас оживилась, вся как-то подалась вперед, сложив руки на коленях, и с любопытством посмотрела на своего постояльца.

– Да нет, тут ничего такого... – Смутился Александр. – Я это, может быть, вообще зря сказал...

– Она японка? – Перебила Изуми.

Александр чуть не рассмеялся: так забавно выглядела эта немолодая уже, измученная жизнью домохозяйка, в одно мгновение превратившаяся в сгорающую от любопытства девочку. Впрочем, несмотря ни на что, Изуми все еще была по-женски привлекательна, и даже странно было, что после смерти мужа у нее не появилось мужчины.

– Да, японка. Учится в Токио в университете Васэда.

– В университете Васэда! Ну ничего себе! – Воскликнула Изуми. – Так вы уже и познакомились! Господи, да что же такая умница, да еще из богатой семьи<sup>50</sup>, делает в нашем захолустье?

– Она...

– Если вам понадобится пригласить ее в дом, не стесняйтесь, можете встретить ее в гостиной или в комнате, выходящей окнами в сад! – Выпалила хозяйка, тут же смутилась и добавила: – Вы не подумайте ничего дурного, да ведь это нормально, когда молодые люди приглашают друг друга в гости, в этом нет ничего зазорного – вон, у соседа дочка, Михо-тян, бегают к своему приятелю чуть не каждый вечер, и разве кто скажет про нее дурное слово? И я не стану ее осуждать, хорошая девочка, не красавица, зато трудяга и бережливая. Помню, совсем была еще ребенок, в младшей школе училась, а скопила карманных денег и купила матери пачку стирального порошка, упаковку риса и ситими<sup>51</sup>. Тогда про нее сразу сказали, что из нее вырастет хорошая жена и хозяйка. Это в нашей молодости нас держали в строго-

---

<sup>50</sup> В японских университетах практически отсутствует бюджетное обучение, и в зависимости от престижности вуза и факультета стоимость обучения разнится. В университете Васэда стоимость первого года обучения (которая ввиду различных взносов на оформление документов всегда немного выше, чем стоимость последующих) составляет от 1 200 000 до 1 700 000 иен в год, то есть примерно 750 000–1 050 000 рублей (на 2019 год).

<sup>51</sup> ##, буквально «семь вкусов» – популярная приправа для приготовления разнообразных блюд, состоит из нескольких видов перца, перетертых семян кунжута и конопли, водорослей, имбиря и жареной апельсиновой цедры.

сти, а скажите, к чему все это, если человек от этой строгости бывает только несчастлив? Так что пусть ваша подруга приходит, я к ее приходу и дом приберу, и угощение сделаю, и цветы у входа поставлю – какие у нее любимые?

– Да откуда же мне знать, – промямлил Александр.

– Вот тебе на! – Всплеснула руками Изуми. – Познакомись с девушкой и даже не знаете, какие у нее любимые цветы! А впрочем, сейчас хризантемы вовсю цветут, мне-то они, честно сказать, не очень нравятся, уж больно осенние, куда как лучше, когда цветет цуцудзи<sup>52</sup> или сибадзакура<sup>53</sup> – как представишь, так сразу и повеет весенним теплом, а эти – пышные, да ведь распускаются перед самыми холодами...

– Послушайте, Мацуи-сан, – Александр попытался вклиниться в поток хозяйкиных рассуждений, – да ведь мы толком с ней и не знакомы. И потом, я живу в другой стране.

– Что? – Изуми удивленно похлопала глазами. – И что с того? Разве расстояние – помеха настоящему чувству?

– Она...

– Ну, какая она из себя? Красивая?

– Красивая, – нехотя признался Александр.

– Образованная и к тому же красавица, что же вам еще нужно от девушки?

– Она... – Александр хотел сказать, что у Томоко есть

---

<sup>52</sup> ## или ### – рододендрон, или азалия (*Rhododendron sect. Azaleastrum*).

<sup>53</sup> ## или ##### – флокс шиловидный, *Phlox subulata* (несмотря на свое японское название, к сакуре это рано цветущее растение отношения не имеет).

друг и, очевидно, их отношения довольно серьезные, но вместо этого сказал: – Она показалась мне очень печальной.

– Печальной, вот как. – Изуми вздохнула. – Вот уж что неизменно в этом мире, так это сезон тайфунов и женская печаль.

Александр помолчал, ожидая, что она еще скажет, но Изуми добавила себе еще сакэ и о чем-то задумалась – может быть, о своей судьбе, обошедшейся с нею так немилосердно, отняв единственного близкого человека и не оставив в утешение детей, может быть, о судьбе всех женщин, поступающей с ними несправедливо вне зависимости от их возраста, внешности и образования: как бы ни изменялся мир, в нем всегда будет идти дождь и будут литься женские слезы. За окном взывал ночной ветер и заматались тени ветвей росшего на улице персика. Александр посмотрел на притихшую Изуми: каким, интересно, был ее муж? Люди из провинции обычно более рассудительны и практичны, чем жители больших городов, и по манере клиента можно быстро догадаться, что вырос он не в мегаполисе, даже если и переехал давно, и ни одежда, ни речь его выдать не могут. И в то же время человек из провинции должен, пожалуй, больше внимания уделять приметам – так что же заставило опытного рыбака выйти в море в такую погоду?

– Я вас, наверное, расстроила, – извиняющимся тоном тихо проговорила хозяйка. – Такому симпатичному молодому человеку, как вы, должно быть скучно слушать болтовню ста-

рой одинокой женщины. Вы уж меня простите, пожалуйста.  
– Да что вы, Мацуи-сан...

Александр протянул руку и успокаивающе погладил Изуми по плечу. Она всхлипнула и накрыла его ладонь своей. Рука у Изуми была теплой и мягкой – так сразу и не скажешь, что эта женщина всю свою жизнь занималась домашним хозяйством.

– Вы меня, наверное, душой считаете. – Изуми убрала руку, отстранилась и прикрыла ладонями лицо. – Глупая старая дура. Как стыдно.

– Ну что вы... – Александр привстал со своего места и осторожно обнял ее. Вместо того чтобы отстраниться, она прижалась к нему, не убирая ладоней от лица. – Не нужно так говорить, Мацуи-сан.

Он обнял ее крепче. От начинавших сесть, но еще густых и блестящих волос хозяйки пахло дешевым шампунем.

Утром дождь, как и предсказывал Кисё, снова зарядил, но не в полную силу, да и ветра почти не было, хотя, если запрокинуть голову, можно было увидеть, как быстро движется по небу сплошная пелена тяжелых сизых облаков. Изуми дала Александру большой прозрачный зонт из тех, что выставляют для посетителей в отелях и крупных магазинах. В центре купола полиэстер немного прохудился, и через отверстие просачивалась вода. Александр сделал несколько шагов вдоль по улице и остановился, раздумывая, не стоит ли все-

таки остаться сегодня дома, и побрел дальше. Ночью Изуми после всего разревелась, уткнувшись лицом в подушку, и он рассеянно гладил ее по спине и говорил ей какие-то ничего не значащие слова утешения на японском и русском, благо женщина все равно его не слушала. Утром, хлопоча на кухне в фартуке с большими красными камелиями, она молчала и всякий раз со вздохом отворачивалась или отвечала какой-нибудь стандартной вежливой фразой, стоило Александру к ней обратиться. Он рассеянно ковырял палочками тамагояки<sup>54</sup> и наконец не выдержал:

– Мацуи-сан, да что в этом такого... в конце концов, вы же свободная женщина!

Изуми вздрогнула и уронила на пол керамическую чашу-тяван<sup>55</sup> с изображением волн, которую держала в руках. Чаша разлетелась вдребезги.

– А-а, да как же так... – Она прикрыла рот ладонью.

– Не огорчайтесь, у нас в России говорят, это к счастью.

– К счастью, скажете тоже... – Хозяйка опустилась на колени и принялась собирать осколки.

– Мацуи-сан...

– Что бы сказал мой Рику<sup>56</sup>, если бы узнал, что его Изу-

---

<sup>54</sup> ### или ##### – свернутый в рулетик японский омлет, обычно сладкий или пряный на вкус.

<sup>55</sup> ## – чайная чашка в форме пиалы. Существует японская поговорка ##### (ковасита тяван о цуйдэ миру), означающая буквально «пытаться склеить разбитый тяван/разбитую чашку», то есть «горевать о непоправимом».

<sup>56</sup> ##, состоит из иероглифов «прохлада/свежий ветер» и «девять», в данном

ми так обошлась с его памятью. – Крупные осколки она уже собрала, но продолжала стоять на коленях и выискивать по полу мелочь, которую легко можно было смести шваброй. – Что бы он сказал... какой позор...

– Вы говорите так, будто совершили преступление, Мацуи-сан. Вы ведь всего лишь уронили старый тьяван.

Она покачала головой:

– Этот тьяван Рику подарил мне сразу после нашей свадьбы, Арэкусандору-сан. Мы ездили в свадебное путешествие в Киото, там в квартале Гион много лавочек, в которых продается местная керамика. Вообще-то Гион – это квартал гейш, там и сейчас можно встретить молоденьких майко<sup>57</sup> в ярких кимоно и с красивыми прическами. Такие они хорошенькие, Арэкусандору-сан, как только что распустившиеся цветы в погожий весенний денек... но мой Рику совсем не обращал на них внимания, смотрел только на меня, обыкновенную женщину, я и тогда ведь была самой обыкновенной, да и одевалась скромно – в ученицы гейши меня бы точно не взяли. – Она грустно улыбнулась. – В одной из лавочек возле храма Киёмидзу-дэра<sup>58</sup> Рику выбрал для меня подарок – тьяван с нарисованными волнами. Помню, он сказал тогда:

---

случае не несущего смысловой нагрузки и служащего фонетиком «ку».

<sup>57</sup> ## – буквально «танцующее дитя», название учениц гейш, изначально принятое в Киото и Осаке, но употребляемое по всей Японии.

<sup>58</sup> ### – буддийский храмовый комплекс в районе Хигасияма города Киото, одна из основных его достопримечательностей. Полное название – Отовасан Киёмидзу-дэра (#####).



мы ведь живем на острове, моя Изуми, так что, куда ни пойдешь, всюду у нас берег моря, пусть и дома у нас тоже будет морское побережье, нужно быть благодарными судьбе за все, чем она нас одаривает. Я к этому тявану подобрала тарелочку для вагаси<sup>59</sup> и подставку для венчика, которым взбивают маття. Тарелочка давно раскололась, еще Рику был жив, подставка куда-то затерялась, а теперь вот и тяван...

– А, соо нан дэс ка<sup>60</sup>... но, может быть...

– Как же так... как же так получилось...

– Послушайте, Мацуи-сан...

– Арэкусандору-сан, разве вы не понимаете. – Изуми, похоже, снова собиралась заплакать. – Это ведь мой Рику на том свете на меня рассердился за то, что я предала его, вот подаренный им тяван и выскользнул у меня из рук.

– Может быть, его еще можно склеить? Я бы мог попробовать, Мацуи-сан... хотите?

Она покачала головой, стоя на коленях и прижимая к груди пригоршни осколков, так что Александр испугался, что она может поранить себе ладони, и тихо ответила:

– Спасибо вам, Арэкусандору-сан, но этот тяван уже нельзя склеить, столько маленьких осколков... если бы он только раскололся надвое, а ведь он разбился вдребезги, как будто бни ударил по нему своей колотушкой. Такие маленькие

---

<sup>59</sup> ### – традиционные японские сласти.

<sup>60</sup> #####.....# – Вот как.../Вот оно как... (может иметь как утвердительную, так и вопросительную интонационную окраску).

осколки, кто бы мог подумать, что в Гионе делают такую хрупкую керамику.

– Мацуи-сан... – Он вздохнул. – Ладно, Мацуи-сан, я... наверное, мне лучше уйти.

Она кивнула, медленно поднялась, придерживаясь рукой за край кухонного стола, бережно ссыпала осколки тьявана в карман фартука и сходила за зонтом. Только на пороге, выйдя закрыть за Александром дверь, она наконец подняла голову:

– Вы ведь даже завтрак свой не съели, Арэкусандору-сан.

– Ничего, я в городе перекушу. – Он осторожно дотронулся до ее плеча: – Об этом не беспокойтесь.

Он остановился возле кафе «Анко»<sup>61</sup> («самые вкусные якитори»<sup>62</sup> на всем побережье и большой выбор напитков») и рассеянно уставился на желтый кленовый лист, плававший в луже у входа. Стоило тащиться за восемь тысяч километров, чтобы все было точно так же, как дома, разве что в России мороженое не посыпают изредка мелкой вяленой рыбой и двери делают не раздвижные, а на петлях. На обтрепанной шторе-норэн<sup>63</sup>, закрывавшей дверной проем, был намалеван

---

<sup>61</sup> «Морской чёрт».

<sup>62</sup> ### или ## (буквально «жареная птица») – японское блюдо из кусочков курицы, в том числе кожи, хрящей и потрохов, поджаренных над углями на бамбуковых шампурах. Соответственно, якитория (#####) – «лавка, в которой готовят/подают якитори».

<sup>63</sup> ## или ### – традиционный прямоугольный занавес, который вешают для отделения пространства в комнате или в дверном проеме, а также для удержания

черной краской сам анко: из-за ветра казалось, что он плывет в пронизанном дождем воздухе, широко разевая зубастую пасть. Спустя несколько секунд из-за норэна выглянул молодой японец – очевидно, повар – и с любопытством уставился на Александра, раздумывая, как к нему обратиться.

– Я говорю по-японски, – сказал Александр. – Коннити-ва<sup>64</sup>.

– Ого! – Глаза у парня, и без того большие, стали почти круглыми. – Не каждый день встретишь иностранца, который еще и в совершенстве знает японский!

– Ну я не то чтобы в совершенстве...

– Вы сами-то откуда?

– Из России.

– Ого-о! Из Росси-и! – На японца эта информация, похоже, не произвела особенного впечатления, но из вежливости он изобразил удивление. – Погода-то сегодня ничего себе, а? Зайдите, пожалуйста, перекусите и согрейтесь.

– Да я как-то... – Смутился Александр. По правде сказать, он думал пойти в «Тако» – не столько потому, что хотелось есть, сколько побеседовать еще с Кисё – он и сам не знал, зачем ему это было нужно.

– Да ладно! – Парень из «Анко» явно не собирался упустить единственного утреннего посетителя. – Тут до ближай-

---

теплого воздуха внутри помещения. Чаще всего норэн можно встретить перед входами в магазины, рестораны и питейные заведения, при этом на норэне обычно изображается торговый знак предприятия.

<sup>64</sup> ### либо #####, «Добрый день» (буквально «этот день»).

шего кафе идти два квартала, вы промокнете до нитки, зонт ведь только волосы и плечи спасает. Хоть кофе выпейте.

– Ну... хорошо. – Александр улыбнулся и сложил зонт: на голову ему сразу посыпались мелкие холодные капли. Молодой японец тотчас оказался подле него, забрал зонт и поставил его в большой глиняный кувшин у входа. У основания кувшина была трещина, из которой вытекала вода, а рядом с ним притулилась статуэтка тануки с глупой улыбающейся физиономией – от ее вида настроение у Александра немного улучшилось.

– Вот и правильно. Говорил же, никакого толку от этих зонтов. Заходите-заходите! – Он зашел первым и придержал для Александра норэн.

Внутри оказалось довольно большое погруженное в приятный полумрак помещение с несколькими катацу<sup>65</sup> и традиционными подушечками-дзабутонами вместо стульев. У дальней стены располагалась открытая кухня с барной стойкой, над которой в качестве украшения были развешаны картины со сценами из рыбацкой жизни. На двух или трех из

---

<sup>65</sup> ##, ## или ### – традиционный низкий деревянный каркас стола, накрытый матрасом-футоном или тяжелым одеялом, на который сверху положена столешница. Под столешницей располагается источник тепла, в прежние времена – горячие угли, сейчас – электрообогреватель. Японцы часто в шутку замечают, что катацу – очень вредный предмет мебели, поскольку, стоит сесть за него и спрятать ноги под теплое одеяло, делать уже решительно ничего не хочется, и можно просидеть за катацу весь день напролет. Обычно вокруг катацу кладутся плоские подушечки-дзабутоны (###) или ставятся стулья на манер европейских, но без ножек.

них тоже шел дождь. Кроме Александра, посетителей в якитории действительно не было.

— Ну вот, присаживайтесь, где вам больше нравится. — Парень уже был за стойкой и заваривал для Александра кофе. — Воду со льдом не предлагаю, думаю, воды вам и так было на сегодня достаточно. — Он ухмыльнулся своей удачной шутке. — Моя мама всегда говорит, что в такую погоду те, кто погибли в море, выходят на сушу, чтобы навестить своих родных.

Александр почувствовал, как по его спине поползли мурашки.

— Это что, примета такая?

— Примета? — Удивился парень. — Да нет, какая там примета, просто женские разговоры. Якитори будете? У нас самые вкусные на всем побережье, хотя, по правде сказать, мы на всем побережье единственные их и готовим. — Он рассмеялся и потрепал ладонью волосы на затылке. — Ну так как?

— Давайте парочку... — Александр помолчал. — А что, у вас здесь часто люди гибнут в море?

— Часто? Да нет, не то чтобы часто. — Японец задумался на мгновение. — Раньше-то, ну, во времена наших бабушек и дедушек, чаще гибли, а сейчас это большая редкость, чтобы кто-то утонул. Но сами знаете, женщин хлебом не корми, а дай о чем-нибудь посудачить, вот и болтают, кто во что горазд. — Говоря, он ловко нанизывал кусочки курицы на бамбуковые шпажки. — Уж если с кем что случится, снастью там

поранится или еще что, пересудов будет на несколько дней, что да как, ну и обязательно кто-нибудь скажет, что слава богу, не началось заражение, а то ведь могли и палец оттяпать за здорово живешь. Тут один студент заезжий как-то потерялся, так чего только не говорили, ну вплоть до того, что он утонул или что его духи утащили в овраг – ээ, да у нас островок-то весь не больше татами<sup>66</sup>, откуда здесь взяться привидениям! А парень просто напился на радостях, что сдал все экзамены, ну и уснул в зарослях возле оврага – только на третьи сутки проспался. Там травы по пояс, вот его и не нашли, а болтовни было, как в «Асахи Симбун»<sup>67</sup> по поводу роспуска парламента. Да уж, болтать наши горады... повезло мне, что моя Михо не такая.

– Ваша подруга? – Из вежливости уточнил Александр, чтобы поддержать разговор.

– А то как же! – Парень перевернул якитори на решетке и щедро смазал их соусом. – За куриным мясом, знаете ли, можно так уж не следить – любой дурак научится его жарить, а вот за печенкой и кожей нужен глаз да глаз. Да уж, с моей Михо я, можно сказать, купил счастливый лотерейный билет. Может быть, она и не первая во всей Японии красавица,

---

<sup>66</sup> # – традиционные толстые (5 см) тростниковые маты, обшитые по длинным краям тканью, укладываемые на пол. В Японии до сих пор измеряют площадь помещений в татами; размер одного татами составляет 95,5×191 см (в Западной Японии) и 88×176 см (в Токио и Восточной Японии).

<sup>67</sup> The Asahi Shimbun (#### или #####, буквально «газета «Утреннее солнце») – национальная японская газета, выходит дважды в день с 1879 года.

но кто сказал, что девчонка должна быть обязательно похожа на айдола<sup>68</sup> из какой-нибудь писклявой группы? Вот и я тоже так говорю! – Заявил он, как будто Александр с ним согласился. – На этих красавиц вечно пялятся всякие извращенцы, а ну как за твоей девчонкой увяжется такой – проблем потом не оберешься. Я считаю, главное, чтобы у женщины руки росли из нужного места и рот открывался, только когда она ест, тогда и будет мужчине с ней счастье. А то вон, один мой друг связался с девчонкой из Токио, совсем голову от нее потерял. Красивая, как с обложки, а только вид у нее больно замороченный, да и одета не так, как наши, хоть я и мало что понимаю в женских шмотках.

– Из Токио?

– Ага, учится она там, а здесь у ней какие-то родственники, тетка вроде бы по отцу. – Он снял готовые якитори с решетки, положил на тарелку, посыпал мелко нарезанным луком и поставил перед Александром. – Ну вот, до: зо. Не вздумайте только сказать, что где-нибудь пробовали лучше.

– Не скажу. – Александр откусил от шашлычка и тут же об этом пожалел: тот был еще слишком горячий. – А вы разговаривали с этой девушкой?

– С кем? С подружкой Акио? А то как же! – С готовностью отозвался повар, подумал немного и добавил: – По правде

---

<sup>68</sup> ##### (айдору, от англ. idol) – молодая, обычно подросткового возраста, медиаперсона (участники музыкальных групп, актеры, фотомодели и так далее) с милым, невинным «детским» имиджем.

сказать, не то чтобы разговаривал, говорили-то все больше я и Акио, а она сидела как в воду опущенная, надэсико<sup>69</sup> из себя изображала, только «да», «нет», да «Акио, не надо», когда он отпускал какую-нибудь обычную мужскую шутку или словечко какое. А чего не надо, сами посудите? Нашла бы себе очкастого зануду в университете и не морочила бы голову нормальному парню. Рыба снулая, а не девка.

Александр почувствовал, что есть ему совсем расхотелось, отодвинул от себя тарелку и поднялся.

– Что, не понравились? – С искренним удивлением спросил японец.

– Да нет, извините... вспомнил вдруг, что у меня есть одно срочное дело.

– Может, хоть с собой возьмете?

– А? Нет, спасибо... спасибо, в другой раз.

Он расплатился, буквально впихнув в руку растерянно моргавшему парню тысячу иен, и вышел на улицу. Дождь лил как из ведра, но он раздраженно выдернул свой зонт из глиняного кувшина, рывком раскрыл его и зашагал по улице куда глаза глядят. Еще немного, и он бы, наверное, подрался. Схватил бы ничего не понимающего повара за ворот рубашки, вытащил из-за стойки и хорошенько врезал бы ему по физиономии. Александр остановился и глубоко вдохнул влажный холодный воздух с запахом моря. С чего он,

---

<sup>69</sup> #### («Ямато-надэсико», буквально «японская гвоздика»), идиоматическое выражение, означающее идеал жены в патриархальном японском обществе.



собственно, так завелся? Как будто дурак-повар говорил про его собственную девушку. Вспомнилось, как в один пятничный вечер он отправился вместе с коллегами в бар в центре Нагоя, и господин Канагава рассказывал историю про иностранца, приехавшего в Японию, оставив на родине невесту.

– Так вышло, что девушка у него на родине сильно заболела, но он решил не прерывать рабочий контракт и не вернулся, думая, что все само как-нибудь образуется. А может быть, он просто испугался ответственности. – Канагава-сан стянул с носа очки и неторопливо протер их тряпочкой, всем своим видом показывая, как сам он не одобряет подобного поведения. – Как бы то ни было, девушке становилось все хуже, и через полгода она умерла. – Он снова замолчал, задумчиво рассматривая два синих кораблика, изображенных на фарфоровой бутылочке сакэ.

– И... что стало потом с этим иностранцем? – Осторожно поинтересовался Александр.

– А, с ним... – Нехотя отозвался Канагава-сан. – Он так никогда и не вернулся домой. Женился на японке: во всем мире считается, что нет лучше жены, чем японская жена, хотя, наверное, в последние десятилетия наших женщин немного испортило западное влияние, – не примите это на свой счет, Арэкусандору-сан. Вот только с женой ему сильно не повезло: говорят, с виду она была красивая и скромная, а на деле оказалась сущей ведьмой, у нас таких женщин на-

зывают «мадзё», а еще «дзираи»<sup>70</sup>. Мучила его и изводила, как могла: то ей не так и это не этак – но, удивительное дело, после работы он каждый день плелся домой, как если бы его кто на веревке тянул. Исхудал весь, в чем душа держалась, но работал как проклятый, чтобы исполнять все прихоти своей женушки. В конце концов он все-таки не выдержал и в пятницу после работы свернул с привычной дороги и бросился с моста в реку Канда<sup>71</sup>.

Над столом на некоторое время повисло молчание.

– Канагава-сан... – Спросил наконец один из японских коллег Александра. – Вы думаете, этот человек поплатился за то, что так бессердечно поступил со своей возлюбленной?

– Кто знает... – Канагава-сан постучал ногтем по корабликам на фарфоре, и бутылка издала мелодичный звон. – Любой человек в здравом уме скажет, что это было простым совпадением, но я уже в том возрасте, когда простительно допускать существование мстительных призраков. Может быть, бог смерти и впрямь рассердился на него за то, что он пренебрег чужой жизнью. Кто знает... – Он улыбнулся, и сидевшие с ним за столиком подчиненные вежливо заулыбались в ответ. Александр тоже растянул губы в улыбке, но

---

<sup>70</sup> ## (мадзё), «ведьма/дьяволица»; ## (дзираи), «мина/взрывное устройство». В переносном смысле так называют женщину, которая до замужества не показывала своего истинного дурного характера.

<sup>71</sup> Река Канда (###, Кандагава) протекает через центр Токио (в отличие от главной реки Токио Сумиды (###, Сумидагава), которая огибает город с севера и с востока).

нехитрый рассказ начальника не столько его развлек, сколько оставил какое-то неприятное чувство беспокойства, и про себя он порадовался, что в России его не ждала любимая девушка и работать он уезжал с легким сердцем.

А теперь вот на тебе. Или Кисё прав и ему действительно так сильно понравилась Ясуда Томоко? Александр сжал кулак, но из-за того, что рука была мокрой, с силой сжать не получилось. Почему было сразу не вернуться в Россию, объяснив свое возвращение тем, что японцы не любят иностранцев и работать с ними невозможно из-за бесконечной бумажной волокиты и навязчивой японской идеи заполнения рабочего времени хоть какой-нибудь деятельностью, пусть и совершенно бессмысленной? Однажды к ним по какому-то делу зашел начальник отдела финансового мониторинга, очень молодой для своей должности высокий мужчина с серьезным лицом и окинавской фамилией Симабукуро<sup>72</sup>. Увидев, что Александр ничем не занят, он поинтересовался, не скучно ли тому работать в японской компании. Александр, смутившись, ответил, что он только что закончил оформление документов по кредиту для одного клиента и как раз собирается заняться следующим.

– Вы могли бы научиться пока складывать оригами, – невозмутимо заметил господин Симабукуро, так что непонятно было, всерьез он или издевается.

– Простите меня, – на всякий случай сказал Александр.

---

<sup>72</sup> ##, состоит из иероглифов «остров» и «сумка/карман».

Не говоря ни слова, господин Симабукуро вытащил из лотка принтера чистый листок бумаги, наклонился над столом и принялся что-то складывать. Александр, открыв рот, следил за тем, как тот загибает уголки и тщательно проводит по сгибам кончиком указательного пальца — ноготь у господина Симабукуро был аккуратно подпилен, но немного запачкан чернилами, — и постепенно из бумажных прямоугольников, квадратиков и треугольничков получились сначала голова и два передних плавника, затем острая спинка и широкий волнистый хвост.

— Вот. — Он поставил готовую рыбку перед Александром. — Нас в школе учили складывать оригами, я помню только, как делать карпа-кои, который хорош тем, что можно наделать много одинаковых карпов из бумаги разных цветов. Но если вы приложите достаточно усилий, у вас получится делать и других животных, это не сложно.

Позже из разговоров коллег Александр узнал, что господин Симабукуро давно увлекается оригами, время от времени побеждает в каких-то конкурсах и в свободные от работы дни ездит в детскую больницу развлекать складыванием оригами ее пациентов.

Он представил себе строгого долговязого господина Симабукуро, сидящего на стуле возле постели больного ребенка и складывающего рыбок из плотной разноцветной бумаги.

Из-за дождя на улице почти не было людей. Возле одного из магазинчиков, рядом выстроившихся вдоль тротуара,

сидел под навесом большой рыжий кот, — когда с навеса сры-  
валась капля и падала рядом с ним, кот раздраженно дергал  
ухом, но почему-то не уходил. Александр подошел поближе  
и увидел, что кот привязан тонким поводком к прислонен-  
ному к стене велосипеду: хозяин, видимо, зашел за покупка-  
ми или выпить чашечку чая с приятелем, работавшим в ма-  
газине, а кота оставил снаружи.

— Бедняга. — Александр наклонился, чтобы его погладить,  
но кот поднял голову и посмотрел на него с угрюмой непри-  
язнью. — Ладно, ладно, не сердись. Не могу я тебя впустить  
внутри, что скажет твой хозяин, если ты оставишь его вело-  
сипед без присмотра?

Кот отвернулся, как будто понял. Александр постоял воз-  
ле него еще немного и побрел дальше. Раньше или позже, до-  
мой вернуться все равно придется, и раз уж он не сделал это-  
го раньше, ничего не поделаешь, придется сделать это позже.  
Может быть, стоит съездить в Нагоя, а не торчать безвылазно  
на Химакадзуме? Александру стало немного веселее от этой  
мысли. Действительно, можно поехать в Нагоя и увидеться  
с бывшими коллегами — как бы то ни было, среди них есть те,  
с кем у него были хорошие отношения, и они точно не отка-  
жутся встретиться и пропустить с ним рюмку-другую, а за-  
одно и дать пару советов, что делать дальше. Может стать-  
ся, и с работой получится еще раз попробовать, — в конце  
концов, почему бы и нет, с резюме у него все в порядке, Ка-  
нагава-сан лично позаботился о том, чтобы дать ему самую

положительную характеристику: у читающего ее создалось бы впечатление, что, если бы не воля непреодолимых обстоятельств, Александру предложили бы работать в Банке Нагоя по пожизненному контракту.

На улице совсем стихло, даже шум дождя стал каким-то приглушенным. Александр сам не заметил, как ноги принесли его к старому святилищу Хатимана. За небольшими ториями<sup>73</sup> из серого камня виднелась чисто подметенная дорожка, укрытая от дождя смыкавшимися над ней ветвями сосен. Александр сложил зонт, приставил его к столбу ворот и зашел на территорию святилища: у входа стоял небольшой тэмидзую<sup>74</sup> с покосившимся и поросшим ярко-зеленым мхом деревянным навесом и двумя бамбуковыми ковшиками на каменной чаше, в которой тихо журчала водопроводная вода. Александр омыл руки и рот, как учил его господин Канагава, когда они вместе зашли в святилище Инари, чтобы оставить лисам их пятничные онигири и сакэ: сначала

---

<sup>73</sup> ## (буквально «птичий насест») – в синтоизме ритуальные ворота без створок перед входом в святилище, обычно выкрашенные в красный цвет, но встречаются и тории естественного цвета материала, дерева или камня, из которого они изготовлены. В японском языке существует образное выражение ##### (тории о кугуру, то есть, буквально, «поднырнуть/пройти под ториями»), что значит «приходить в храм». Пройдя через тории, ограничивающие священное пространство, человек оказывается во владениях ками.

<sup>74</sup> ### (тэмидзую или тё: дзую) – специальный небольшой павильон в синтоистских храмах, представляющий собой навес, под которым находится тё: дзубати (###) – резервуар или чаша с водой для ритуального омовения рук и рта перед посещением храма и общением с божествами.

ла левую руку, потом правую, потом левой рукой ополоснуть губы, затем еще раз омыть левую руку и положить ковш на место, не забыв очистить остатками воды его ручку. Делая это, он про себя улыбнулся: наверное, Канагава-сан был уверен, что его иностранный подчиненный никогда не запомнит правильной последовательности. Выпрямившись, краем глаза он заметил перед святилищем неподвижную фигуру: человек стоял, низко склонив голову и сложив ладони, и, видимо, был глубоко погружен в молитву. Его заслоняла статуя Хатимана: грозный бог был изображен в человеческий рост в виде круглолицего монаха лет сорока, в традиционной такухацугаса<sup>75</sup> на голове. В руке монах держал за хвост большого тунца; фартук из когда-то ярко-красной ткани, повязанный на шею статуи, выцвел от дождей и солнца и стал почти белым.

Александр подошел ближе, стараясь ненароком не наступить на какую-нибудь ветку и не зацепиться штаниной за кусты соснового стланика, в свое время, видимо, высаженные вокруг площадки перед храмом, а теперь разросшиеся и захватившие ее практически целиком. Встав сбоку от святилища и еще раз посмотрев на молящегося, он с удивлением обнаружил, что это его знакомый из «Тако»: глаза официанта были закрыты, длинные пальцы сложенных рук плотно прижаты к губам. На волосах серебрилась дождевая влага, и спи-

---

<sup>75</sup> ### – конусообразная шляпа странствующих монахов, обычно плетенная из бамбука, камыша или соломы.

на была вся мокрая – похоже, он был здесь уже давно. Александру захотелось поскорее уйти, но вместо этого он остался стоять, глядя, как вода струится по покатой крыше храма, выложенной зеленоватой черепицей, и фигуркам комаину<sup>76</sup>: у одной из них мордочка была расколота надвое и оттого имела не свирепое, а больше какое-то обиженное выражение. Закончив молитву, Кисё дважды низко поклонился, затем расстегнул куртку, вытащил из-за пазухи несколько веток какого-то растения с глянцевыми листьями и аккуратно поставил их в вазочку подле ящика для пожертвований. Некоторое время, сидя на корточках, он расправлял листья и поворачивал веточки так и эдак, и наконец, видимо, довольный результатом, выпрямился и сделал несколько шагов назад, не отрывая взгляда от храма.

– Кисё, добрый день! – Окликнул его Александр.

Официант вздрогнул от неожиданности и обернулся:

– А-а, здравствуйте, Арэкусандору-сан! Простите, я вас сразу не заметил.

– Как вы и говорили, сегодня опять идет дождь.

– Это точно. – На лице Кисё появилась его обычная приветливая улыбка. – Как говорят в России, как будто воду льют из ковша?

– Из ведра, – поправил Александр.

---

<sup>76</sup> ## – пара мистических стражей, обычно при входах в синтоистские храмы, но встречаются и возле буддийских. Внешне комаину напоминают львов, но на самом деле это собаки (что следует и из их иероглифического названия, состоящего из знаков «статуя собаки» и «собака»).



– Вот как. А я думал, это про очищение, как в храме. – Кисё застегнул куртку. – Похолодало, вы не находите?

Александр пожал плечами, показывая, что совершенно не мерзнет, и подошел ближе.

– Часто приходите сюда молиться?

– Я живу рядом, почему бы не зайти по пути в святилище и не поставить свежую веточку сакаки<sup>77</sup> для старого Хатимана. Ками-сама любят все свежее.

Они медленно побрели вместе по сосновой аллее.

– Вы, кажется, верите в богов, раз так долго молились.

– А вы, значит, не верите? – Кисё искоса посмотрел на собеседника.

– Ну, я... Вообще-то нет, не верю.

– Совсем?

– Ну я как-то...

Кисё усмехнулся.

– Ну согласитесь, Кисё, странно в современном мире верить в богов. – Александру стало неловко, что он вообще начал этот разговор.

– Если подумать, то мир, в котором живет человек, всегда современный. А боги обитают в потустороннем мире, ко-

---

<sup>77</sup> # или ### – сакаки, или клейера японская, *Cleyera japonica*, вечнозеленое растение с плотными блестящими листьями, напоминающими листья чайного дерева. В синтоизме считается священным растением (даже в иероглифе его названия присутствует элемент «ками/бог»). Букетами из веток сакаки, долго сохраняющими свежесть, нередко украшают тории, также их ставят в вазы в святилищах.

торый почти вечен – разве это не здорово, что можно обратиться за советом к тем, кто живет в вечности, а, Арэкусандору-сан?

– Ну если вы так считаете...

– Совсем не обязательно для этого быть верующим. Я недавно читал в газете интервью с одним писателем, так он сказал, что всегда носит с собой талисман, охраняющий его от болезней, но в случае малейшего недомогания обращается к врачу. Писатели вообще забавные люди. Кстати, Арэкусандору-сан, вы не думали вернуться на родину?

– Почему вы вдруг спрашиваете?

– Мне кажется, вам у нас немного скучно.

– Нет, напротив, мне совсем не скучно. Мне здесь очень интересно, и я снял вполне удобную комнату...

– Вы ведь остановились у Мацуи-сан, да? – Мягко перебил Кисё.

– И что с того? Вы-то откуда знаете?

– Разве это так важно?

– Мне бы хотелось быть в курсе, – Александр развернулся, чтобы посмотреть Кисё в глаза, – кто и с чего это вдруг так мною интересуется.

– Не сердитесь, пожалуйста, я не хотел вас обидеть. Остров маленький, все здесь всех знают, а я работаю в ресторане. Случайно от кого-то услышал.

– Ну да, конечно.

Выражение лица официанта оставалось безмятежным

и приветливым, как будто они по-прежнему вели спокойную дружескую беседу. Обида и злость, не находившие себе выхода все последние две недели, наконец захлестнули Александра целиком, и он ощутил, как всегда бывало в такие моменты, слабое головокружение. Работа, на которую он возлагал столько надежд, Изуми с ее разбитой чашкой, придурок этот с его якитори, Ясуда Томоко – и почему у каждой симпатичной девушки обязательно есть кто-нибудь вроде Акио? А теперь еще и этот тип непонятно по какому праву сует нос не в свое дело и пытается спровадить его подальше отсюда.

– Послушайте, Арэкусандору-сан, не нужно...

Александр, не дав ему договорить, размахнулся и изо всей силы ударил японца кулаком в лицо. Тот тихо охнул, отступил на несколько шагов, пока не прижался спиной к стволу одной из старых сосен, и медленно сел на землю. Где-то высоко в ветвях пронзительно закричала потревоженная шумом птица. Александр сделал пару глубоких вдохов. Голова еще немного кружилась, но злость уже улетучилась, остались только досада и стыд. Пересилив себя, он подошел к сидевшему на мокрой земле официанту: тот прижимал ладони к носу и рту – почти так же, как делал это, когда молился. Между его длинными пальцами выступила кровь.

– Дайте я посмотрю... – Александр взял его за запястье и отвел в сторону руку. Нос у парня, похоже, сломан не был, кровь текла из сильно разбитой верхней губы. На нижней, впрочем, тоже виднелся кровоподтек.

– У вас хороший удар, Арэкусандору-сан. – Кисё попытался улыбнуться, и кровь, накопившаяся у него во рту, залила подбородок и закапала на куртку, растекаясь черными пятнами. Александр подавил желание отвернуться. – Тренировались когда-то?

– Да нет. Я последний раз, наверное, на втором курсе дрался.

– Из-за девушки?

– Ну да, из-за девушки.

– Понятно. – Кисё прикрыл глаза. По сосновой коре сновали вверх-вниз большие рыжие муравьи. – У нас в школе было кэндо, но у меня плохо получалось: из-за тяжелой маски я почти ничего не видел и однажды ударил деревянным мечом учителя.

– Вот как...

– В старших классах мне нравилась одна девушка, но у нее был роман с классным старостой, так что у меня не было шансов.

– Обидно было, наверное.

– Это точно...

– Давайте-ка я помогу вам подняться, вам нужно в больницу.

– Это? – Кисё осторожно дотронулся пальцами до разбитой губы. – Думаю, это быстро заживет.

Он с трудом приподнялся, придерживаясь за дерево, но, выпрямившись, снова покачнулся и обхватил старую сосну

левой рукой. Александр подошел к нему и положил его свободную руку себе на плечо.

– Давайте. Если обопретесь на меня, доведу вас до дома, или куда вам там нужно.

Птица опять закричала в кронах деревьев: скорее всего, беркут или коршун. Александр совершенно не разбирался в птицах, но не раз видел, как даже в ветреную погоду крупные темные силуэты кружили над святилищем, ловко маневрируя в воздушных потоках. Крик раздался еще раз: высокий, отрывистый, как будто царапали металлом по стеклу.

– Камата-сан, что с вами случилось?!

Александр едва удержался от того, чтобы не выругаться вслух: нужно же им было именно сейчас встретить Томоко! Хорошо, она была хоть без своего парня – видимо, днем он работал. На этот раз девушка была одета по погоде: в высокие сапожки и очень шедшее ей светлое пальто. Вокруг шеи у нее был намотан большой шарф нежно-фиолетового цвета, из-за которого черты ее лица казались еще более трогательными и детскими, чем даже были на самом деле. Обеими руками она сжимала ручку слишком тяжелого для нее зонта.

– Ничего страшного, Ясуда-сан, не беспокойтесь. – Кисё пренебрежительно махнул рукой. – Это ерунда.

– Но у вас все лицо в крови! Вы... упали? – Огромные глаза девушки выглядели сейчас точь-в-точь как рисуют

в анимэ<sup>78</sup>. – Я живу совсем недалеко, у тети. Вам нужно хотя бы умыться, Камата-сан...

– Действительно, умыться бы не помешало, а то ведь я всех посетителей распугаю, верно?

– Ну да, конечно... – Пробормотал Александр.

Он вдруг понял, что все это время ему хотелось снова увидеть Томоко, а теперь он мечтал только о том, чтобы провалиться сквозь землю. Девушка шла совсем рядом, чтобы зонт закрывал и ее спутников (свой зонт, вернее, зонт госпожи Мацуи, Александр забыл возле ворот святилища – впрочем, с опиравшимся на него Кисё зонт был бы все равно бесполезен, и они уже давно промокли до нитки). Он скосил глаза на Томоко: как и в первый раз, она была совсем не накрашена, и теперь на ее бледной фарфоровой коже проступал румянец. К щеке прилипла влажная прядка темных волос, на вид казавшихся очень мягкими, гораздо мягче, чем у большинства японских девушек. Александру захотелось протянуть руку и убрать эту прядку, провести пальцами по нежной коже, коснуться мочки маленького уха, в которой поблескивал крошечный прозрачный камешек, как будто Томоко только вчера ее проколола. В этот момент Кисё запнулся и едва не упал.

– Держитесь, – Александр помог ему выпрямиться и слег-

---

<sup>78</sup> ### (от англ. animation) – японская анимация самых разнообразных жанров. В русском переводе принято записывать это слово как «аниме», однако более правильной транслитерацией, отвечающей чтению слогов каны, является «анимэ» с концевым «э».

ка встряхнул, – совсем немного осталось.

– Я в порядке, Арэкусандору-сан, не беспокойтесь... – Официант слабо улыбнулся, но из-за крови улыбка получилась жутковатой.

Они действительно дошли до дома Томоко спустя минут десять: это был небольшой типовой двухэтажный дом на две семьи, выкрашенный в розовый цвет и в остальном ничем не выделявшийся среди других построек на Химакадзиме. Перед домом было посажено несколько не цветущих сейчас кустиков гортензии с большими овальными листьями.

– Ну вот. – Томоко на всякий случай посмотрела на окна второго этажа – видимо, чтобы проверить, не горит ли там свет. – Тетя сейчас на работе, она у меня в библиотеке работает. Мы живем на втором этаже. – Она отдала Александру зонт и вытащила из крошечной сумочки ключи. – Вы только извините, у нас не прибрано, мы не ждали сегодня гостей...

В небольшой уютной квартире, вопреки словам Томоко, царил полный порядок: казалось, даже пыль здесь протирали совсем недавно. Томоко отвела их в свою комнату и убежала за мокрым полотенцем и медикаментами. Пока Кисё, запрокинув назад голову, молча сидел на кровати, Александр, чтобы не смотреть на него и не разговаривать, рассматривал обстановку. Опрятная комнатка была совсем крошечной, в ней только и помещались, что кровать, письменный стол, на котором стояли лампа, ноутбук и чисто вымытая чашка, да небольшой книжный стеллаж на четыре полки: в основном

старые издания в неброских переплетах, несколько романов Содзи Симеды, Кэйта Синадзугавы, Кэйго Хигасино и Минато Канаэ, томики «Тёмного дворцового» и «Слуги-вампира»<sup>79</sup> да какие-то женские журналы. Кроме книг и журналов, в стеллаже ничего не было, только на верхней полке в углу стоял небольшой одноглазый Дарума<sup>80</sup> и рядом с ним – плюшевый синий Тоторо с круглыми глазами, обнимавший лапами пушистое розовое сердце с надписью I love You. «Подарок Акио, наверное», – подумал Александр.

– Ну, вот и я. – Руки у Томоко были заняты, и она открыла дверь плечом: Александр бросился было ей помогать. – Нет-нет, спасибо, я справлюсь.

Она присела рядом с Кисё и принялась осторожно стирать с его лица запекшуюся кровь. Когда она коснулась полотенцем его разбитой губы, Кисё вздрогнул.

– Потерпите, Камата-сан, я намочила полотенце специальным раствором, у тети в аптечке нашла, скоро все должно

---

<sup>79</sup> Симеда Содзи (## ##), Синадзугава Кэйта (### ##), Хигасино Кэйго (## ##), Минато Канаэ (# ###) – популярные японские писатели в жанрах детектива и мистического триллера; «Темный дворецкий» (###, куро-сицудзи) – мистическая манга Яны Тобосо, «Слуга-вампир» (#–####, са: вампу) – манга писательницы Страйк Танаки.

<sup>80</sup> ## или ### – японская традиционная кукла, обычно из папье-маше, олицетворяющая Бодхидхарму. Дарума, если это не сувенир и не интерьерное украшение, не имеет прорисованных глаз: его владелец может загадать желание, нарисовав кукле один (левый) глаз, а после того, как желание исполнилось, в благодарность нарисовать второй (правый) глаз. Не исполнивших желание дарум принято в конце года относить в храм и сжигать.



пройти. Что все-таки с вами произошло?

Александру еще сильнее захотелось провалиться сквозь землю и одновременно – самому оказаться на месте официанта.

– Я пришел в святилище Хатимана помолиться и, к несчастью, поскользнулся на влажной листве, – не моргнув глазом соврал Кисё. – Ударился лицом прямо о деревянную ступеньку. Если бы не Арэкусандору-сан, не знаю, что бы я делал.

– А-а, вот как... – Томоко бросила на Александра робкий взгляд и тут же отвела глаза. – Как это неприятно – упасть прямо в храме...

– Это точно, Ясуда-сан, ками-сама были ко мне сегодня неблагосклонны. – Кисё засмеялся. – Видимо, я чем-то их рассердил. Но ведь могло быть и хуже. Вам известна история лавочника, который каждый день ходил в храм и просил у Инари-син удачи в торговле?

Томоко отрицательно покачала головой.

– В конце концов этот лавочник так надоед ками-сама своими просьбами, что, когда он в очередной раз пришел помолиться о прибыли, лисы сбросили с крыши святилища комэдавару, полную риса, прямо ему на голову, и он погиб на месте<sup>81</sup>.

---

<sup>81</sup> ## – традиционная (используемая и в настоящее время) емкость для риса, изготовленная из плетеной рисовой соломы. Комэдавары бывают разные, встречаются небольшие, по 3–5 кг, но чаще можно увидеть комэдавары по 10 и 30 кг.

– Вот как... но это ведь сказка, Камата-сан...

– А другой человек слишком сильно горевал по своей умершей жене и каждый день приходил в храм просить богов воскресить ее из мертвых, – не обратив внимания на замечание Томоко, продолжал Кисё. – Чтобы от него избавиться, kami-сама сделали так, что его домашняя кошка приняла облик его умершей жены. Все бы ничего, да вот только эта женщина, едва завидев мышь, сразу же бросалась ее ловить, переворачивая все вверх дном и корча при этом страшные гримасы... – Он попытался изобразить, что вытворяла жена бедняги, но из-за разбитой губы ему удалось только смешно вытаращить глаза и несколько раз выразительно моргнуть. – А еще она время от времени принималась вычесывать блох, распускала где ни попадя прическу и кусала собственные волосы...

– Вот уж действительно странная история, – фыркнул Александр.

– Ну вот, так почти ничего не заметно... – Закончив вытирать кровь, Томоко смазала ссадины Кисё мазью и наклеила на рану небольшой пластырь. Делая все это, она едва прикасалась к его лицу кончиками пальцев. – Я заварю чай, тетя вчера вечером принесла сластей из «Судзумэ».

– Почему вы не сказали правду? – Тихо спросил Александр, когда она вышла из комнаты.

– Но в каком-то смысле это правда, – отозвался Кисё. – И потом, вам ведь нравится девушка, разве нет?

– Да ну вас! – Александр раздраженно махнул рукой. – Вас не поймешь, Кисё!

За чаем Кисё рассказал еще несколько случаев про людей, рассердивших kami-сама, и в конце концов даже разве-селил Томоко: девушка заулыбалась и тотчас, смутившись, прикрыла рот ладонью.

– Вы мне не верите, Ясуда-сан? – Кисё взял с тарелки очередное шоколадное печенье. – Думаете, все, что я говорю, неправда?

Александр сидел молча, наблюдая, как медленно кружатся чайинки в его чашке зеленого чая<sup>82</sup>.

– Нет-нет, я этого совсем не говорила, Камата-сан. Так вы, значит, родились в Фукуоке?

Александр в изумлении уставился на Кисё, но решил не вмешиваться.

– Ну да, в Фукуоке.

– Надо же... а я никогда не бывала на юге. Говорят, это красивый город.

– Я бы сказал, самый обыкновенный. – Кисё взял ещё одно печенье. – Большой портовый город с множеством высоких зданий. Мне больше по душе старая Япония, Нара или

---

<sup>82</sup> Томоко, в отличие от Кисё, работающего в ресторане, и Изуми, которая сдает комнаты туристам, очевидно, заваривает гостям не дорогой и довольно сложный в приготовлении маття, а более распространенный и повседневный сэнтя (##, сокращение от «сэндзи-тя» (###), буквально «чайный отвар», в русской транслитерации обычно встречается неправильный вариант «сенча»). Сэнтя можно заваривать как в специальном заварочном чайнике, так и непосредственно в чашках.

Киото.

– Но... – Томоко запнулась, видимо, стесняясь задать следующий вопрос. – В Фукуоке же можно найти хорошую работу, не то что здесь. Почему вы решили оттуда уехать?

– Это долгая история. – Кисё вдруг внимательно и серьезно посмотрел на Томоко. – Я любил там одну девушку, Ясуда-сан.

– И она предпочла вам кого-то другого?

Когда Томоко улыбалась, ее милое лицо как будто начинало светиться. Зубы у нее были мелкие и немного неровные, один из верхних был повернут чуть боком, но это ее нисколько не портило, только придавало ее лицу непосредственности. Сейчас, без пальто и шарфа, в темной юбке до колен и свободном темно-зеленом джемпере, она казалась совсем миниатюрной. Александру снова мучительно захотелось к ней прикоснуться.

– Нет, она просто... пропала без вести.

– Пропала без вести? – Удивилась Томоко. – Как это?

– Если вам так любопытно, то я расскажу. – В выражении лица Кисё промелькнуло лукавство. – Но это очень грустная история. Вы уверены, что хотите ее услышать?

– Расскажите, Камата-сан, ну пожалуйста! – Томоко, забыв о своей стеснительности, даже подалась вперед, глядя на официанта во все глаза. В этот момент она была странно похожа на сгоравшую от любопытства Изуми, когда та расспрашивала Александра о его встрече с японской девушкой.

– Ну хорошо... только обещайте мне, что вы не расстроитесь.

Томоко с готовностью кивнула:

– Не расстроюсь, Камата-сан, обещаю!

– Мы познакомились с Мидзухо<sup>83</sup> в университете: она училась на факультете менеджмента, а я на медицинском, но, после того как я бросил учебу на втором курсе, наши пути на несколько лет разошлись, и я встретил ее вновь случайно, когда она уже заканчивала учиться и искала себе подходящее место работы. Она была настоящей красавицей – почти как вы, Ясуда-сан.

Александр отпил совершенно остывшего чая: Томоко была так увлечена рассказом Кисё, что даже не предложила ему свежего.

– В ту нашу встречу я понял, что эта девушка – моя судьба. Ну или я тогда подумал, что я это понял. – Кисё усмехнулся. – У судьбы ведь на нас всегда свои планы. Только мне тогда уже показалось, что Мидзухо сильно похудела: я решил, что она просто повзрослела и оттого ее лицо кажется более худым, чем было в юности... – Кисё помолчал немного, погрузившись в воспоминания. – Я пригласил ее в одно кафе на берегу Микасы. Мы сидели за столиком возле окна и вспоминали первые годы в университете – по правде, у нас было не слишком-то много общих воспоминаний. Я заказал для Мидзухо чизкейк, но она не съела ни крошки, только пила

---

<sup>83</sup> ##, имя девушки состоит из двух иероглифов – «вода» и «колос».

холодный оолонг и время от времени отворачивалась от меня и смотрела в окно на медленное течение реки. Мне казалось, что ей грустно, но, когда я спросил ее, она только беззаботно рассмеялась в ответ. Девушки бывают ужасно скрытными, когда они этого захотят, не правда ли, Ясуда-сан?

– Может быть, она просто не хотела вас огорчать? – Тихо спросила Томоко.

– Да, наверное. Мы встречались после этого довольно часто, гуляли в парке или ходили вместе в кино. Потом заглядывали куда-нибудь перекусить, но Мидзухо всегда только пила либо оолонг, либо воду со льдом, а к еде не притрагивалась. Когда я снова попытался расспросить ее, она ответила, что ошиблась с выбором факультета и менеджмент ее совершенно не интересует. Ей нужно было послушаться тех, кто в детстве восхищался ее внешностью и советовал пойти работать моделью. Но у Мидзухо была очень консервативная семья, и родители были бы категорически против того, чтобы их дочь стала моделью или актрисой. Они хотели, чтобы Мидзухо получила достойную профессию, поэтому-то она и поступила на факультет менеджмента, чтобы в будущем занять какую-нибудь управляющую должность в крупной компании.

– Но она все равно хотела стать моделью, да?

– Да. В агентстве ей сказали, что ей уже слишком много лет и она не подходит, но Мидзухо решила во что бы то ни стало исполнить свою мечту. Ей казалось, если она будет ху-

денькой, то будет выглядеть моложе и ее обязательно возмут, поэтому она села на диету. Я пытался уговорить ее не мучить себя, но так и не признался, что она мне нравится. Может быть, если бы я тогда ей открылся, с ней бы не случилось несчастья, а я бы не уехал из Фукуоки.

– А что случилось с Мидзухо-сан? – Томоко несколько раз моргнула – видно было, что еще немного – и она расплачется.

– Вы обещали мне, что не станете расстраиваться, Ясуда-сан.

– Простите меня. – Она с усилием улыбнулась.

– Однажды Мидзухо пошла гулять на побережье. В Фукуоке, знаете ли, бывает очень ветрено, особенно в июне, а она к тому времени стала легкой, как перышко. Порыв ветра подхватил ее и унес в море, вот и все. На следующий день по всему городу были расклеены объявления о ее пропаже. Может статься, она утонула, но мне хочется думать, что ее подобрал какой-нибудь корабль – не японский, конечно, ведь если бы ее нашли японцы, она бы вскоре вернулась домой. Но там очень много кораблей, так что, возможно, Мидзухо наконец встретила свою судьбу.

– Вот как... – Томоко вздохнула – видно было, что ей искренне жаль несчастную девушку, хотя было ясно как день, что Кисё выдумал все от первого до последнего слова.

– После этого я решил уехать из Фукуоки и перебраться в какую-нибудь тихую провинцию. – Кисё протянул руку

к очередному печеню. – Простите меня, когда я вижу сладкое, никак не могу удержаться.

– Конечно, не стесняйтесь, Камата-сан. – Она улыбнулась, но выражение ее лица оставалось обеспокоенным.

Когда они вышли на улицу, Александр едва снова не набросился на Кисё:

– И зачем вы все это только что наплели?!

– Я? Наплел? О чем это вы, Арэкусандору-сан? – Поинтересовался Кисё настолько безмятежно-невинным тоном, что Александру захотелось еще раз его ударить. «Да чтоб вас!» – вместо этого он развернулся и зашагал прочь.

– Арэкусандору-сан! – Окликнул его Кисё.

Александр не стал оборачиваться.

– Арэкусандору-сан, послушайте меня!

– Идите к черту! – По-русски крикнул в ответ Александр и ускорил шаг.

– Арэкусандору-сан, вы забыли в святилище Хатимана свой зонт! Мацуи-сан расстроится, если вы его потеряете! И обязательно заходите на днях в «Тако»! Не обижайтесь, пожалуйста, Арэкусандору-сан!

Его последнюю фразу Александр едва расслышал из-за налетевшего резкого порыва ветра.

По пути домой он несколько раз сворачивал не на те улицы и окончательно промок: у него было ощущение, что на-



сквозь вымокла не только одежда, но и каким-то образом он сам; ноги онемели от холода, голова кружилась. В конце концов он, сам не зная как, оказался перед домом Мацуи-сан. Когда он открыл дверь, Изуми, возившаяся на кухне, выглянула в прихожую. Увидев своего постояльца, она тихо охнула и всплеснула руками:

– Арэкусандору-сан, что с вами случилось? Вы встретились с ёни?!

– Что?.. – Растерялся Александр.

Изуми уже подбежала и осматривала его, боясь к нему прикоснуться.

– У вас на одежде кровь! И рука разбита! И вы весь мокрый! Весь, весь мокрый!

– Не волнуйтесь, пожалуйста, я в порядке...

Изуми уже справилась с первым потрясением и тащила его в ванную, не переставая тараторить:

– Может быть, у молодежи это и считается в порядке, вы уж простите меня, старую женщину, но в мое время было не принято возвращаться с прогулки в таком виде! Я ведь дала вам зонт! Где он, кстати?

Александр почувствовал укол совести: он ведь назло Ки-сё не стал возвращаться в святилище Хатимана. Глупо получилось.

– Ну-ка... – Изуми буквально втолкнула его в тесную ванную. – Снимайте все это скорее, нельзя оставаться в мокром... – Не договорив, она сама принялась расстегивать его

куртку и пуговицы рубашки. – Господи, да как же это вы умудрились... насквозь весь мокрый, как будто... – Она не договорила и всхлипнула.

Александр схватил женщину за плечи, притянул к себе, наклонился – Изуми была ниже его больше чем на голову – и крепко поцеловал. Та глубоко вдохнула и схватилась рукой за край раковины. Ее темные, как у всех японок, глаза были широко распахнуты. Александр прижался губами к ее лбу, который неожиданно показался ему очень холодным, и принялся покрывать поцелуями ее запрокинутое вверх лицо и мягкий изгиб шеи. Изуми не сопротивлялась, только коротко то ли вздыхала, то ли всхлипывала, и все не отпускала раковину, боясь потерять равновесие. Александр почувствовал, что его головокружение усиливается и ноги сами собой подгибаются в коленях.

– Мацуи-сан... – Пробормотал он, пытаясь крепче ухватиться за ее плечи. – Мацуи-сан...

На глаза его стремительно напозла темная пелена, и он рухнул на дощатый пол. Где-то очень далеко Изуми испуганно вскрикнула.

Когда Александр открыл глаза, он лежал в кровати, раздетый догола и укрытый до подбородка одеялом. В ногах было тепло – видимо, хозяйка положила туда грелку. Сама она сидела рядом на стуле, опустив голову и сложив руки на коленях, и как будто дремала. Выбившаяся из прически прядь

темных волос, упавшая на лицо, едва заметно колыхалась от ее дыхания.

– Мацуи-сан... – Тихо позвал Александр.

– А? – Она вздрогнула и подняла голову.

– Уже вечер, Мацуи-сан? Долго я так?

– Долго... – Неопределенно отозвалась Изуми. – Да вы три дня пролежали в лихорадке, я уж и врача вам вызвала, так он пришел, посмотрел вас и сказал, что это вы, должно быть, замерзли и подцепили сильную простуду, и напрописывал всяких порошков, – я вам все эти три дня давала лекарство, неужто и этого не помните?

Александр с трудом покачал головой. Он помнил только, что все это время в беспамятстве, показавшееся ему таким коротким, его мучил озноб, от которого невозможно было никуда спрятаться, но теперь ему вспомнились еще и теплые женские руки, гладившие его по лицу, поправлявшие одеяло и с усилием приподнимавшие его и заставлявшие проглотить то ложку горячего супа, то что-то горькое и жгучее на вкус – он отворачивался, лекарство стекало по подбородку, и женщина молча стирала пролитое салфеткой.

– Ох, и перепугалась же я, когда вы упали! Побежала в лавку к Исиде<sup>84</sup>, хорошо, он на месте был и трезвый, пришел, помог мне вас в кровать перенести. Не обошлось, конечно, без его глупых шуточек, будет теперь болтать по всему острову, что старая Изуми совсем из ума выжила, при-

---

<sup>84</sup> ##, фамилия состоит из иероглифов «камень» и «рисовое поле».

стала к молодому иностранцу в ванной, а тот возьми и упали в обморок от страха...

— Мацуи-сан...

— ...по всей Химакадзими понесет, я этого Исиду знаю, — продолжала Изуми. — Как выпьет, так и начнет трепаться с каждым, кто к нему в лавку заглянет: продаст человеку ломаный венчик для маття или расколотую плошку, а в придачу наврет с три короба. А сам-то, когда мой Рiku утонул, мне проходу не давал: то ущипнет, то за руку поймает, а однажды зашел без спросу в сад, спрятался за персиковым деревом — додумался, а как я поближе подошла, выскочил и рванул на мне блузку — пуговицы по всему саду разлетелись. Мне эту блузку Рiku на первую нашу годовщину подарил, в ней уже можно было только в саду работать, а все равно жалко... рванул на мне блузку и схватил за грудь, но я закричала, он испугался, что соседи услышат, и удрал через забор. Старый дурак — а туда же. Теперь пойдет болтать, что вы мою грудь только увидели, да так сразу без чувств и упали на пол.

— Мацуи-сан, что вы такое говорите... никакая вы не старая. — Александр удивился тому, как плохо слушались его пересохшие губы и распухший от лихорадки язык. — И грудь у вас очень красивая, правда...

Изуми отвернулась от него и не ответила. Сейчас, сидевшая к нему вполоборота с опущенными плечами и склоненной головой, она действительно казалась старше своих лет.

— Простите, что я зонт ваш потерял. Забыл его в святили-

ще Хатимана.

– А, зонт... – Тихо проговорила Изуми. – Насчет зонта не беспокойтесь, его позавчера принес ваш приятель.

– Мой... приятель?

– Ну да, официант из «Тако», красавчик такой – ему бы не в нашем захолустье за барной стойкой, а на телевидении работать. Он ведь ваш приятель?

– Ну... можно и так сказать.

– Красивый молодой человек, – повторила Изуми. – В «Тако» работает одна девушка, сама не то чтобы красавица, а младший брат у нее учится в Нагоя и поет в какой-то группе, сам неплохо зарабатывает и ей присылает, чтобы она тоже могла пойти учиться. Я его совсем еще мальчишкой помню, до того, как он уехал в Нагоя, он тогда пухленький был и в смешных круглых очках, а не так давно приезжал – такой стал красавчик, у него в Нагоя, наверное, уже полно поклонниц. Говорил, фамилия у него для рок-звезды слишком обычная – Кобаяси<sup>85</sup>, прямо как из японско-английского разговорника, так что пришлось взять сценический псевдоним, а какой, я и не запомнила.

– Вот как...

– Да, такие старые дуры, как я, всегда обращают внимание на молодых людей, – грустно улыбнулась Изуми. –

---

<sup>85</sup> ##, состоит из иероглифов «маленький» и «роща/лес». Действительно очень распространенная фамилия, которая ввиду ее простоты часто используется в учебниках японского языка и различных разговорниках.

У вас небось в горле пересохло, Арэкусандору-сан. Подождите немного.

Изуми ушла на кухню и спустя некоторое время вернулась с чашкой дымящегося сё: гаю<sup>86</sup>.

– Вот. Специально ведь вчера за свежим имбирем ходила, не верю я в этот порошок, который в аптеках продается: они туда больше крахмала сыпят, чем имбиря, да и имбирь у них сушеный, а от крахмала и сухой травы какой толк, сами подумайте?

Александр сделал пару глотков напитка и закашлялся: имбиря и сахара Изуми не пожалела, и сё: гаю получился у нее одновременно жгучим и сладким, как патока.

– Так вы, значит, ходили к синтоистскому святилищу на западном побережье?

Александр кивнул. Голова была тяжелой и гудела, как с похмелья, но от сё: гаю в груди разлилось приятное тепло.

– Да-да, я хорошо его знаю. Там стоит старенький Хатиман, его привезли на Химакадзиму с какого-то из соседних островов. Его родной храм был разрушен землетрясением, а статуя уцелела, и один из рыбаков с Химакадзимы, помогавший разбирать завалы, выпросил ее для нашего храма. Говорят, вскоре после этого потерялись двое маленьких детей, мальчик и девочка, – видимо, заигрались на побережье, детям много ли нужно, чтобы заблудиться. Когда их хвати-

---

<sup>86</sup> ##### (сё: гаю) – буквально «имбирная горячая вода», традиционный зимний напиток из имбиря, часто с добавлением меда или просто с сахаром.

лись и стали искать по всему острову, начало темнеть и полил дождь, и уже предполагали самое худшее – что дети упали в овраг или утонули в море. Но среди ночи кто-то вдруг позвонил в дверь полицейского участка, а когда дежурный открыл, то увидел монаха в треугольной тростниковой шляпе, державшего за руки обоих потерявшихся детей. Дежурный, конечно, очень удивился, но прежде, чем он успел что-нибудь сказать, монах низко поклонился, развернулся и был таков, а на следующее утро, говорят, заметили, что босые ноги статуи перемазаны засохшей грязью. Его, конечно, отмыли, сшили ему из парусины новенькие дзика-таби<sup>87</sup> и повязали красный фартучек. Когда я была школьницей, у Хатимана всегда стояли в каменной вазе свежие цветы и лежали на подставке монетки – мы, дети, иногда таскали их, чтобы купить в магазине какую-нибудь мелочь, но на следующий день всегда возвращали, чтобы Хатиман на нас не обиделся.

– Вот как... – Он сел в кровати, взял из рук Изуми чашку и сделал еще пару глотков горячего напитка. – Кисё бы понравилась эта история.

– Милый такой молодой человек, – сказала Изуми. – Очень за вас беспокоился, спрашивал, не нужна ли какая-нибудь помощь.

---

<sup>87</sup> ##### – буквально «таби (##, традиционные носки высотой до лодыжки с отдельным большим пальцем), касающиеся земли». Дзика-таби изготавливаются из более плотных материалов, нежели обычные таби, как правило, из кожи или плотной ткани, современные варианты иногда имеют прорезиненную подошву. Дзика-таби, в отличие от таби, используются в качестве уличной обуви.

– Так вы с ним не знакомы?

– Впервые в жизни его видела, – удивилась Изуми. – Откуда же мне быть с ним знакомой? Он ведь недавно на Химакадзуме, приехал то ли из Сакаи, то ли из Касихары, это мне старик Фурукава говорил, а у него с географией плохо, как у тех лягушек из Осаки и Киото, которые ходили друг к другу в гости, да только каждая заплутала и пришла в гости к себе домой<sup>88</sup>.

Александр прикрыл глаза. В сумраке колыхались синеватые тени, похожие на накатывающиеся на берег волны.

– Фурукава в свое время был с моим Рiku очень дружен, часто брал у него свежую рыбу для ресторана и в гости к нам заходил чуть не каждую неделю. Он, конечно, еще тот матерщинник и при женщине не постесняется отпустить какую-нибудь грубость, но человек неплохой, не то что этот Исида. И жена у него приятная женщина, вот спроси ее, что она в Фурукаве нашла: и старше ее больше чем на десять

---

<sup>88</sup> Имеется в виду японская детская сказка «Лягушка из Киото и лягушка из Осаки» (#####, Кё: то но каэру О: сака но каэру): две лягушки, одна из Киото, другая из Осаки, жарким летним днем отправились посмотреть соседний большой город. Каждая допрыгала до середины пути, поднялась на гору Тэнно: дзан и решила поглядеть на цель своего путешествия. Но глаза у лягушки на макушке, так что, поднявшись на задние лапки, чтобы посмотреть вдаль, она может увидеть только то, что находится позади нее. Таким образом, каждая лягушка увидела свой родной город. Решив, что путешествовать в таком случае не имеет смысла, лягушки вернулись по домам: одна потом рассказывала родне, что «Киото ничем не отличается от Осаки», вторая – что «Осака точно такая же, как Киото».



лет, и не красавец, и плешистый, и рыбой у него от рук воняет – тут уж мой, не мой, а если крутишься с утра до вечера на кухне, то запах въедается намертво. Так вот, недели две или три тому назад я Фурукаву встретила в овощной лавке, разговорились мы с ним – у двух людей с общим прошлым всегда ведь есть о чем поговорить, и он рассказал мне про вашего приятеля, только, помню, тот Фурукаве не очень понравился.

– Не понравился? Почему?

– Ох, зря я это сказала... – Смутилась Изуми. – Ничего особенного, такая глупость, что я и сама ничего не поняла.

– Мацуи-сан, расскажите, пожалуйста, – попросил Александр.

– Да что тут рассказывать. Фурукава сказал, что в какой-то из дней выловили здорового осьминога, больше двенадцати килограммов весом. Ну, он, конечно, не мог мимо такого пройти, где еще и подавать-то такого красавца, как не в «Тако». Купил он этого осьминога и запустил его в аквариум, а вечером того же дня, когда собирался уходить, увидел этого нового официанта: свет в зале, по словам Фурукавы, уже был выключен, только над аквариумом еще горели лампы, и парень этот там стоял, руку положив на стекло, и что-то говорил вполголоса. Ну, Фурукава не выдержал, тихонько подошел и подслушал.

– И?..

– Да что там... – Изуми вконец застеснялась. – Ска-

зять-то смешно. Этот ваш приятель с осьминогом разговаривал, мол, уважаемый господин осьминог, вы уж потрудитесь побеседовать там со своими и упросите их, пожалуйста, пойти мне навстречу в удовлетворении моей скромной просьбы. А какая такая просьба – бог его знает, этого Фурукава уже не расслышал. Вот только он сказал, осьминог-то с той стороны подплыл и будто бы парня внимательно слушал, и щупальцем своим через стекло дотрагивался до его ладони. Если бы это не Фурукава был, я бы вам и рассказывать не стала, но он ведь даже в малости приврать не умеет, его фантазии хватит только на то, чтобы разложить каким-нибудь новым способом кусочки сашими. Помню, когда он за своей женой ухаживал, он ей делал сашими из фугу и выкладывал на тарелке в виде хризантем и журавлей с расправленными крыльями, очень выходило красиво. Так вот, на следующее утро, когда Фурукавы еще в ресторане не было, приятель ваш осьминога-то из аквариума вытащил, отнес его в ведре к морю и отпустил, даже похвастаться ни перед кем не успели. А когда Фурукава хотел его за это отругать, тот, говорит, так на него посмотрел, что старик даже струхнул немного – ну уж этого он мне не сказал, признается он, как же, что мальчишки испугался, на которого нашла блажь разговаривать с бессловесными рыбинами! Правда, стоимось осьминога новенький возместил, так что Фурукава на него не в обиде, вот только, говорит, все равно это странно – выбросить в море такое сокровище! Фурукава-то уже придумал, как он его

приготовит, да размечтался, как его стряпню будут нахваливать посетители.

– Понятно. – Александр улыбнулся, но на душе у него от рассказа Изуми было как-то беспокойно, да и понятно, по правде, тоже совсем не было.

– Но я ничего такого странного за вашим другом не заметила, – добавила женщина. – Приятный юноша, вежливый, принес в подарок упаковку соленого рисового печенья с креветками, мой Рику такое всегда к пиву покупал. Порасспрашивал про мою жизнь – все в рамках приличия, выпил чашку зеленого чая и обещал еще зайти – вас провести. Я-то думаю, нет ничего странного в том, что он осьминога этого выпустил, у молодых людей всегда в головах какие-нибудь идеи. Пожалел он, может быть, осьминога, да и все тут, а грубиян Фурукава уже на него и вызверился, мол, ненормальный. Он-то сам сколько раз говорил, что его кот Куро<sup>89</sup> – все равно что человек, и разговаривает с ним, как с человеком, а все потому, что этот кот похож на своего хозяина – такой же плешивый и облезлый, и характер у него такой же поганый. К тому же каждую весну он метит в соседских огородах дайкон<sup>90</sup>, как только тот из земли покажется. Я это все Фурукаве так прямо и сказала, а он, мол, так это кот, кот жи-

---

<sup>89</sup> # или ## – «черный цвет», то есть кота старого Фурукавы буквально зовут Черныш.

<sup>90</sup> ## или #####, буквально «большой корень», – японская редька, *Raphanus acanthiformis*.

вотное земное, оно испокон века бок о бок с людьми живет, а что дайкон метит – так это в его природе, что с него взять. А осьминог, мол, скользкий моллюск, о чем таком задушевном можно с ним беседы беседовать. Разве же ему что-нибудь после этого втолкуешь...

– Да, действительно, – согласился Александр, не открывая глаз. Несмотря на то что он три дня провел в беспмятстве, его снова тянуло в сон. – Фурукава-сан – на редкость упрямый человек.

– Вы поспите теперь. – Изуми поправила его одеяло. – Врач сказал, вы как в себя придете, вам нужно будет хорошенько выспаться, и проснетесь уже здоровым.

– Спасибо вам, Мацуи-сан... – Он хотел добавить что-нибудь еще, но провалился в забытие, как в тяжелую морскую воду.

Проснулся Александр действительно почти выздоровевшим, только горло еще немного саднило и во всем теле ощущалась разлитая по мышцам слабость – как будто он долго занимался тяжелой физической работой. На улице, как и прежде, шуршал дождь; время от времени порывы ветра ударялись в окна, бросая в них пригоршни воды. Ему представилась центральная станция Нагоя со странной скульптурой на площади: спирально закрученная стальная конструкция с широким основанием и острым шпилем, похожая то ли на завиток крема на гигантском торте, то ли на перевернутую

канцелярскую кнопку величиной с дом. Как-то раз он спросил у Такизава<sup>91</sup> из отдела финансового мониторинга, что символизирует эта штука, и Такизава, у которого вместо финансового мониторинга на уме были в основном хорошенькие девушки и в особенности – секретарь его начальника господина Симабукуро – Каваками Ёрико<sup>92</sup>, пошутил, что это женские волосы, когда прихорашивающаяся красotka утром намажет их гелем и ловко закрутит пальцами, чтобы к выходу из дома у нее были кудряшки. «Это символ стремления женщин к красоте, – уверенным тоном сообщил Такизава. – Он напоминает всем нашим женщинам, что утром нужно встать на час раньше, чтобы привести себя в порядок, а мужчинам – о том, на что идут женщины, чтобы им нравиться». Александр представил, как в этот самый момент по стальному шпилью стекают дождевые ручейки, и влага уходит в окружающий скульптуру круглый газон, и по мокрому асфальту кольцевого перекрестка едут одна за другой блестящие от дождя машины. Люди с раскрытыми зонтами спешат по своим делам. Возле подземного перехода, ведущего в нагойское метро, прощаются парень с девушкой – шутник Та-

---

<sup>91</sup> ##, фамилия «Такизава» (или в более правильной, но менее благозвучной с точки зрения русской фонетики транслитерации «Такидзава») состоит из устаревшего иероглифа «водопад» и устаревшего же иероглифа «болото». Есть более современный вариант написания этой фамилии – ##.

<sup>92</sup> ## ##, фамилия девушки состоит из иероглифов «река» и «верх», то есть буквально «верховье реки», а имя – из иероглифов «мир/согласие/японский/истинный» и «ребенок/дитя».

кизава с госпожой Каваками – и все никак не могут попрощаться: уже сказали друг другу по несколько раз и «оцукарэ сама», и «мата асита»<sup>93</sup>, и американское «бай-бай», и помахали друг другу рукой вместо того, чтобы поклониться, и он уже даже спустился на пару ступеней по лестнице, но снова вернулся, взял ее за руку, – так они и стоят, взявшись за руки, а Такизава еще и глупо улыбаясь, среди шума дождя, суетливой толпы и мелодичных трелей светофоров. Снова захотелось туда, в мегаполис, наполненный жизнью и повседневными заботами. С кухни доносился приглушенный звук телевизора: за готовкой Изуми любила смотреть популярные ток-шоу. Александр с трудом сполз с кровати: его одежда, выстиранная, поглаженная и заботливо сложенная, лежала на стуле: Изуми зачем-то даже положила сверху его галстук, который он с приезда на Химакадзиму ни разу не надевал.

– Я пойду прогуляюсь, Мацуи-сан! – Громко, чтобы перекричать телевизор, сообщил Александр, заглянув на кухню.

– А? – Изуми, сидя за столом нарезавшая на доске овощи, вздрогнула от неожиданности. На экране Такэси Китано<sup>94</sup> в красном кимоно и с цветастым веером в руке интер-

---

<sup>93</sup> ##### и #####, стандартные фразы при прощании, буквально означают «Вы (хорошо поработали и) устали» и «До завтра».

<sup>94</sup> ## # (Китано Такэси, или чаще в русской транслитерации – Китано Такеши) – популярный японский кинорежиссер и актер, ведущий многочисленных юмористических и развлекательных телешоу, а также сценарист, писатель, поэт и художник.

выюировал незнакому Александру актрису; актриса смущалась, то и дело прикрывала лицо ладонями, в зале смеялись.

– Ужин мне, пожалуйста, не готовьте, – добавил Александр. – Я зайду в «Тако».

– Дождь так и льет, – отозвалась Изуми. – Да и вы еще не здоровы. Посидели бы лучше дома, смешная программа... – Она кивнула на телевизор. – Китано-сан на моего Рiku чем-то похож. Его ведь и в России хорошо знают, верно?

– Да, очень хорошо знают... Мацуи-сан, я думаю, может, съезжу на днях в Нагоя.

Изуми сидела к нему спиной, и он не мог видеть выражения ее лица, но тотчас пожалел, что не придумал, как сказать это поаккуратнее.

– Уедете? – Тихо спросила Изуми.

– Только на несколько дней. Если можно, я сохраню за собой комнату?

– Конечно. – Ее голос был едва различим на фоне разговора Китано и актрисы (та показалась Александру чем-то похожей на Томоко). – Вы же все равно внесли плату вперед, поэтому не беспокойтесь, пожалуйста, никому больше я комнату не сдам. Только оставьте мне номер вашего счета, чтобы я могла вернуть депозит.

– Вернуть депозит? – Удивился Александр.

– Вы же сняли у меня комнату. – Она отложила нож и обернулась к нему: – Сами сказали, что не хотите останавливаться в гостинице и собираетесь жить не меньше месяца.

Александр молчал, не зная, что на это ответить. Обычно хозяева не спешили возвращать депозит: Такизава как-то, смеясь, рассказывал ему, что в один из отпусков решил снять комнату в сельской местности, чтобы быть поближе к природе, так когда он выезжал, хозяйка заперлась у себя и выключила свет и телевизор, чтобы он подумал, будто бы ее нет дома, и махнул рукой на депозит.

– Плату до конца месяца я не смогу вам возвратить, если буду держать комнату. – Изуми снова отвернулась и застучала ножом по доске. – Но депозит должна буду вернуть, если вы... – Она остановилась и ссыпала нарезанные овощи – ярко-оранжевые кусочки моркови и темно-фиолетовые баклажанов – в миску, – ...если вы решите не возвращаться.

– Хорошо. Спасибо вам большое, Мацуи-сан.

Александр подождал еще немного в дверном проеме, но хозяйка молча принялась дальше нарезать овощи, тихонько постукивая ножом по доске, и он вышел.

В «Тако» было непривычно много народа, но несколько мест у барной стойки пустовали, поэтому Александр пристроился с краю, возле здорового холодильника, от которого исходили волны тепла и слабое электрическое гудение, и окинул рассеянным взглядом привычную обстановку. Пузатый Хотэй<sup>95</sup>, поднявший вверх обе руки и похожий

---

<sup>95</sup> ## (буквально «полотняный/холщовый мешок») – один из «семи богов счастья», бог веселья и благополучия. Хотэй часто становится персонажем нэцкэ



на гигантскую нэцке, стоял в углу, окруженный несколькими статуэтками поменьше и кувшинами-ловушками для осьминогов, обросшими крупными морскими желудями – фудзицубо. Кисё как-то сказал, что Хотэя задвинули в угол, потому что китайские туристы, путая его с Буддой Шакьямуни, слишком любили фотографироваться с ним в обнимку и уже кое-где заметно его поцарапали, так что Фурукаве-сану пришлось, ругаясь на чем свет стоит, красить живот Хотэя темно-красной лаковой краской. Натертые до блеска прямоугольные деревянные столы, отделенные от проходов прозрачными ширмами, чтобы посетители случайно не задевали друг друга. Тихо потрескивающий керосиновый обогреватель, поставленный на перевернутый пластиковый поддон. Развешанные на стенах картины в простых рамках – по большей части с изображениями морских волн и островов, но на одной из них – мужчина в больших роговых очках, зеленой кофте и синей шляпе рыбака – должно быть, первый хозяин «Тако», а на другой – надпись легко читаемой скорописью: «камень, скатившийся вниз, знает, сколь глубоко море и сколь бездонна любовь»<sup>96</sup>. Странный афоризм для места,

---

(##, миниатюрная резная скульптура, использовавшаяся в качестве подвесного брелока на традиционной японской одежде кимоно и косодэ) и других талисманов, приносящих удачу.

<sup>96</sup> ##### (ракка ситэ юку иси ва самадзамана кото о ситта, донна ни уми га фукай ка о донна ни аи га тэй сирэну моно дэ ару ка о, буквально «упавшему вниз камню известны многие вещи: насколько глубоко море и насколько бездонна любовь»). Стихотворение японского буддийского поэта Симмин Сакамуры (## ##, Сакамура Симмин 6.01.1909–

где едят рыбу и моллюсков. На холодильнике рядом с подвешенной к потолку круглой пластиковой рыбой-фугу среди высоких бутылок из-под сакэ и вина сидела большая белая с черными пятнами манэки-нэко<sup>97</sup>: из-за кривовато нарисованных глаз казалось, что она смотрит не прямо перед собой, а вниз, на посетителей. Ее поднятая левая лапа мерно раскачивалась.

– А, Арэкусандору-сан, здравствуйте! Рад, что вы поправились! – Кисё поставил перед Александром чашку маття и положил теплое полотенце для рук. Синяки на его лице потемнели и были желто-фиолетового цвета, но губа уже практически зажила.

– Добрый вечер, Кисё. Как вы себя чувствуете?

– Окагэсама дэ, гэнки дэс<sup>98</sup>. – Скороговоркой отозвался

---

11.12.2006). Можно перефразировать его следующим образом: «Как камень, не падавший на самое дно моря, не знает ничего о глубине воды, так никогда не опускавшееся в глубины печали сердце не знает ничего о любви».

<sup>97</sup> ### (буквально «приглашающая кошка») – статуэтка или изображение кошки с поднятой лапкой, приносящее удачу. Манэки-нэко, сделанных из фарфора, керамики или пластмассы, можно встретить в Японии практически повсюду: в ресторанах и барах, витринах магазинов и залах игровых автоматов патинок. Чаще всего манэки-нэко – трехцветная кошка, или микэ-нэко (###), поэтому распространенное в традиции русского перевода «кот удачи», или «денежный кот», можно считать если не ошибкой, то по крайней мере неточностью.

<sup>98</sup> ##### – фраза, относящаяся к так называемым формулам вежливости, которая произносится в ответ на вопрос «Как дела?», «Как здоровье?» и означает примерно «Вашими молитвами у меня все хорошо», но в буквальном смысле – «Благодаря вашей заботе я здоров», то есть, учитывая происшедшее несколькими днями ранее, Кисё иронизирует.

Кисё и слегка поклонился.

– Эй, Камата! – Крикнула ярко накрашенная девушка, сидевшая за барной стойкой чуть поодаль. – Ты еще и по-иностранному говоришь?! Какой ты образованный! Хэлло-у! Хау ар юу? – Она помахала рукой, и Александр понял, что она сильно пьяна. Рядом сидела ее подруга, опиравшаяся на стойку локтями и уныло смотревшая остекленевшим взглядом в почти пустой бокал с пивом. – Хелло-у! Э-эй, ты что, не слышишь меня?

– Я немного говорю по-японски, – сказал Александр.

Его ответ вызвал у девушки взрыв смеха, и она толкнула в бок свою апатичную соседку.

– Э-эй, Камата, налей-ка ей еще, она сейчас вырубится.

Когда Кисё подошел к ним с бутылкой «Кирина»<sup>99</sup>, девушка подалась вперед и схватила его за рукав:

– Э-эй, это же нон-арукоору...

– Вашей подруге больше не стоит сегодня пить, Араи-сан<sup>100</sup>. С ней может случиться несчастье.

Девушка внимательно посмотрела на него, не выпуская из пальцев его рукав.

– Ну ла-адно, но я не буду платить за безалкогольную дрянь, и она, – она кивнула на свою подругу, – тоже не будет. Нет градусов – нет денег, так вот.

---

<sup>99</sup> #####-# (кирин би: ру) – популярная в Японии марка напитков (в том числе безалкогольного, или #####-#, нон-аруко: ру, пива).

<sup>100</sup> ## – в буквальном переводе фамилия Кими означает «дикий колодец».

Кисё невозмутимо заменил бокал на чистый и налил в него холодного «Кирина».

– Тогда это за счет заведения.

– Э-эй, – девушка потянула его за рукав сильнее, встала, перегнулась через стойку и, покачнувшись, обхватила официанта обеими руками. В зале раздались смешки. Кисё не делал никаких попыток освободиться.

– Да ты добрый, Камата. – Она ткнулась лицом в его одежду, оставив на белой рубашке полосы розовой помады. – Я сразу поняла, что ты добрый, хотя в тебе есть что-то злое... как мы тогда с тобой на кладбище встретились, помнишь, а?

– Конечно, помню, Араи-сан.

– Слышите, – она обратилась к другим посетителям. – Он там плакал над чьей-то могилой, прямо слезами заливался. Я думала, там твой родственник похоронен, Камата. – Она слегка встряхнула его. – Но потом посмотрела – фамилия-то была совсем другая, да и помер тот человек лет семьдесят назад, камень весь мхом порос. Вот, думаю, что за блажь такая – плакать над чужой могилой, да еще и тащиться к ней в гору.

– Ну что вы, Араи-сан, кто же станет плакать над чужой могилой, – возразил Кисё.

– Вот и я про то же. А ты, значит, добрый, да... – Ее веселость постепенно, как бывает при опьянении, сменялась унынием. – Слышь, Камата, познакомь меня с этим ино-

странцем, пусть увезет меня отсюда нахрен. И ее, – она качнулась в сторону подруги, уже равнодушно тянувшей свое «нон-арукоору» пиво, – ее тоже познакомь. Пусть нас обеих нахрен отсюда увезет.

Кисё улыбнулся.

– Э-эй! – Она снова повернулась к Александру. – Амэрика-дзин дэс ка?<sup>101</sup> Уот из йор нэ: му? Я немного говорю по-английски и готовить хорошо умею, могу каждое утро делать тебе тамагояки, это такой японский омлет. – Она отпустила одну руку, чтобы снова помахать Александру, и чуть было не потеряла равновесие, но Кисё вовремя поддержал ее. – Ну чего ты молчишь, как рыба? Меня Кими зовут, пишется как «дерево» и «искренность»<sup>102</sup>, вот так, – она попыталась изобразить пальцем в воздухе иероглифы. – А ее – Момоз, как «персиковая ветвь», пишется охрененно красиво<sup>103</sup>. Она делает таких потешных кукол и всяких зверушек из бумаги и тряпок, настоящее искусство, их иностранцы всегда покупают, брелоки и всякая такая мелочовка так вообще нарахват идут, особенно этот, синий человечек, весь в каплях дождя, только успевай шить новых, так их быстро расхватывают. У нее, правда, нет одного переднего зуба, она в детстве упала с волнорезов, там, – Кими неопределенно махнула ру-

---

<sup>101</sup> ##### – «(Ты) американец?»

<sup>102</sup> ##, состоит из редко используемого варианта иероглифа «дерево» и иероглифа «искренность/правдивость».

<sup>103</sup> ##, состоит из иероглифов «персиковое дерево» и «ветвь».

кой в сторону побережья, – поскользнулась на мокрых водорослях. Но зубной врач поставил ей новый – не отличишь от настоящего!

В зале снова засмеялись.

– Эй, заткнитесь там! – Девушка пьяно помотала головой. – Момоэ – отличная девчонка, она выйдет замуж за этого американца. Слышь, у вас же на Западе есть поговорка, что самая лучшая жена – японская жена, а? Есть или нет? Что ты все молчишь?

– Я не американец, – наконец ответил Александр. – И я не ищу себе жену.

– Аа... – Девушка пренебрежительно фыркнула. – Грубиян! Ну и черт с тобой. Все вы, иностранцы, придурки, ничем не лучше наших японских мужиков. Эй, Камата, а ты женишься на мне?

– Обязательно женюсь. – Кисё наконец освободился от ее объятий и осторожно усадил девушку обратно на стул. – Не обижайтесь на моего друга, пожалуйста. Он немного скромный и просто растерялся.

Она в ответ только грустно покачала головой.

– Ну, ну, не нужно так, Арай-сан. Я заварю для вас кофе, и вам сразу же станет лучше. – Кисё искоса глянул на Александра, как тому показалось, с осуждением. – Вы просто выпили чуть больше, чем следовало.

– Сегодня пятница, – буркнула Кими. – Мы с подружкой имеем право отдохнуть по-человечески.

Александр отпил остывшего маття и отвернулся. Периодически было слышно, как Фурукава вытаскивает из аквариума очередную обреченную рыбку; когда рыба была особенно крупной или он примеривался гвоздодёром чуть дольше обычного, чтобы ударить ее, подвыпившие посетители его подбадривали, Фурукава огрызался. Кисё ни на минуту не оставался без дела: принимал заказы, наполнял бокалы пивом и заваривал чай и кофе. С каждым клиентом он успевал перекинуться парой слов: вообще, создавалось впечатление, что он родился и прожил всю жизнь на Химакадзиме, а не приехал сюда всего два или три месяца назад. Александр вздохнул и потер слезившиеся глаза. Изуми была права, ему не стоило выходить сегодня из дома. Он бросил взгляд на Кисё, беседовавшего с молодым рыбаком, присевшим за барную стойку.

– Тунца лучше всего ловить на мелкого кальмара, – рассказывал рыбак. Официант его слушал, как будто ничего интереснее ловли тунца в мире не существовало. – Дедовский способ, но я тебе скажу, лучше еще ничего не придумали, только на кальмара и можно поймать по-настоящему большого тунца. Мой отец поймал однажды такого тунца весом больше трехсот килограммов, так он ушел на Цукидзи<sup>104</sup> за девятьсот тысяч долларов...

---

<sup>104</sup> ##### (Цукидзи сидзё:) – крупнейший и самый знаменитый рыбный рынок в Токио, просуществовавший 83 года (с 1935 по 2018 гг., был закрыт в связи с подготовкой к Олимпиаде 2020 года; все торговые операции были перенесены на рынок Тоёсу, #####, Тоёсу сидзё:).

– Чего ты врешь, Такахаси?!<sup>105</sup> – Возразил кто-то из посетителей. – Никогда твой отец не ловил такого огромного тунца! И если бы у него было девятьсот тысяч долларов – торчал бы ты здесь как дурак со своей младшей сестрой, как же!

– Дурак, говоришь?! – Тут же вспыхнул Такахаси. – Давай-ка выйдем, я тебе покажу, кто из нас дурак!

– Никогда не видел, как ловят тунца на кальмара, – сказал Кисё, ставя перед молодым человеком стакан с разбавленным виски. – Должно быть, это очень красиво.

– Ну да, – хмуро согласился парень. – Ничего себе, есть на что посмотреть. Мой отец говорил, в ясную ночь фонари на лодках кажутся отражениями звезд, а в пасмурную – самими звездами. Когда я поймаю огромного тунца, наша с сестрой жизнь изменится, а эти все позакрывают свои рты.

– Когда я был маленьким, отец как-то повел меня на рыбный рынок в Осаке, – продолжал Кисё. – Там продавали большого голубого тунца: жабры и чешуя у него переливались, как морская вода на солнце. Я был так им очарован, что, пока продавец не видел, протянул руку, чтобы дотронуться до него, и поранил ладонь о его острый плавник, вот, – официант показал рыбаку свою руку, – с тех пор остался шрам. Только очень храбрый человек решится охотиться на животное, которое даже после смерти может постоять за себя.

---

<sup>105</sup> ##, фамилия парня состоит из иероглифов «высокий» и «мост».



– Вот и я о чем говорю. – Парень отхлебнул виски хайбола<sup>106</sup> и взглянул на ладонь Кисё. – Ого, красивый шрам, похож на рыболовный крючок. Не говори девчонкам, что это ты в детстве поранился, придумай для них какую-нибудь историю, они это любят.

Настроение у него, похоже, улучшилось.

Кисё со своей неизменной улыбкой занялся следующим заказом. Александр попросил у него еще одну чашку чая и тарелочку со сладко-солеными снеками, полагавшимися к пиву. Сегодня обслуживать посетителей Кисё помогали две женщины: одна лет сорока, другая совсем молоденькая. Их имен Александр не знал, хотя обеих видел в ресторане уже не в первый раз. Они были друг на друга похожи, и даже в движениях у них было что-то общее, так что Александр решил, что это мать и дочь. К концу дня обе порядком выбились из сил, и в какой-то момент молоденькая, несшая поднос с грязной посудой, запнулась и наверняка бы упала и перебила все тарелки и бокалы, если бы Кисё в мгновение ока не подскочил к ней и не подхватил одной рукой поднос, а другой – не придержал бы девушку за плечо. На ее круглом, не очень привлекательном лице вспыхнул румянец.

– Вам нужно отдохнуть, Кобаяси-сан. – Кисё забрал у нее поднос и поставил на свой стол. – Нельзя столько работать.

---

<sup>106</sup> #####-####-# (уиски: но хайбо: ру) – разновидность виски с содовой. Слабоалкогольный коктейль был изначально изобретен в Японии (где до сих пор сохраняет большую популярность) и впоследствии стал известен практически по всему миру.

Она еще больше покраснела и опустила голову, пряча лицо.

– Вам ведь не нужно сейчас так поддерживать брата, как раньше, – продолжал Кисё. – Очень скоро он сам сможет поддержать вас, и вы всей семьей поедете в отпуск на Окинаву.

– А вы, кажется, совсем не устаете, Камата-сан, – отозвалась девушка. – Как будто только что пришли на работу.

Александр подумал, что она права: несмотря на еще не зажившие синяки, Кисё выглядел бодрым и полным сил.

– Эй, не разговаривай с ним! – Кими, задремавшая было над своей чашкой кофе, подняла голову. – Он тебе голову заморочит! Он ведь только делает вид, что такой хороший! Камата, признайся, ты ведь лис? Потому-то ты такой рыжий! Вот я тебя и раскусила!

– Вы скажете тоже... – Кисё улыбнулся, но на этот раз улыбка у него получилась какая-то кислая.

– Э-эй, не отпирайся! А ты проверь, проверь, Кобаяси, он в штанах прячет свои девять лисьих хвостов!

Старшая официантка, поставив перед одним из посетителей тарелку с очередным жареным хираме, обернулась, поджала губы и осуждающе покачала головой.

– Ну, Камата, – не унималась Кими. – Признайся, ты ведь лис! Почему ты все время улыбаешься?

– Я не лис, Араи-сан, – спокойно ответил Кисё. – Но в Ки-

ото живет мой двоюродный брат, вот он – лис<sup>107</sup>. Могу вас познакомить, если хотите.

Молоденькая официантка, едва достававшая Кисё до плеча, подняла на него удивленные глаза.

– Эээ! – Протянула Кими и толкнула локтем свою подругу, похоже, окончательно потерявшую интерес к происходящему вокруг. – В Киото! Ты серьезно, Камата?

Кисё кивнул:

– Он очень порядочный и набожный лис и к тому же работает аналитиком в Банке Киото. – Он подмигнул Александру. – У него есть хобби: он коллекционирует галстуки.

– Эээ! – Кими встряхнула головой. – Ты издеваешься, да? А он симпатичный, твой брат? Как ты думаешь, я бы ему понравилась?

– Он был бы вами совершенно очарован, Араи-сан. Сам он скромный, но любит именно таких отважных девушек, как вы, и ему нравится, когда девушка умеет ярко наряжаться. Вот только...

– Слышь, Момоэ! – Кими снова пихнула свою подругу. – Хватит уже дрыхнуть! Камата сосватает меня за своего двоюродного брата! Он у него лис с девятью хвостами и живет в Киото! Он и тебе кого-нибудь подыщет, лисы ведь всегда живут большими семьями! Эй, Момоэ, мы найдем тебе хоро-

---

<sup>107</sup> Кисё, очевидно, намекает на то, что в Киото находится главный в Японии храм божества Инари, чьими магическими помощниками являются лисы, – Фусими Инари Тайся (#####).

шенького холостяка-лиса, будешь лепить ему онигири с лососем и жарить тофу! Ну давай, проснись уже, Момоэ!

– Нахрен этот Киото, – пробормотала Момоэ, наконец приоткрыв глаза, – одно сплошное старье и толпы туристов. Что ты будешь там делать, дура? Изображать из себя гейшу для тупых туристов? Или сидеть в антикварной лавке? А?

– Да ну тебя, сама ты дура! – Кими обиженно надула губы. – Совсем ничего не понимаешь! Одна я должна заботиться о нашем с тобой счастье! Ты бы без меня ни одной своей куклы не продала, слышишь?! Эй, Камата! Камата!

Но Кисё был занят очередным заказом и покачал головой, показывая, что не может продолжить беседу. Кими, к удивлению Александра, поняла и замолчала, усевшись поудобнее на своем стуле, подперев ладонями голову и устремив задумчивый взгляд на качавшую лапой манэки-нэко. Постепенно в ресторане становилось все меньше людей, и в конце концов остались только Александр, молодой рыбак Такахаши, хваставшийся тунцом, да Кими с ее сонной подругой. Обе официантки, прибрав со столов, собрались и, попрощавшись с Кисё, ушли домой. Александр подумал, что младшая, наверное, на День святого Валентина подарит официанту коробочку самодельного шоколада и будет, краснея, говорить, что купила его на хенд-мейд-ярмарке в Кова и что это всего лишь «томо-тёко»<sup>108</sup>, ничего особенного. Он усмехнулся. От

---

<sup>108</sup> В Японии на День святого Валентина принято дарить шоколад, причем дарят обычно девушки молодым людям, а не наоборот. Томо-тёко (####) – шо-

двух чашек зеленого чая в голове окончательно прояснилось.

– Что-нибудь еще будете, Арэкусандору-сан? Вам нужно поесть, вы ведь только оправились после болезни. – Кисё забрал у него из-под носа пустую чашку.

– Да, пожалуйста. Жареного осьминога с рисом.

Кисё взглянул на Александра немного удивленно, но говорить ничего не стал и позвал из кухни Фурукаву. Тот, услышав, что заказали осьминога, угрюмо проворчал, что «со скользким ублюдком возни не оберешься, угораздило же проработать всю жизнь в этой вонючей забегаловке», и поплелся к аквариуму.

– Фурукава-сан не любит готовить осьминога, верно?

– Скорее он не любит самих осьминогов. У господина Фурукавы перед ними, кажется, суеверный страх. – Официант склонился над барной стойкой и заговорил тише. – Фурукава-сан считает, что его единственную дочь много лет назад утащил в море огромный осьминог, когда она пошла помолиться в святилище Хатимана и спустилась на берег подышать свежим морским воздухом. По крайней мере, именно так он говорил мне.

– У господина Фурукавы была дочь? – Искренне удивился Александр.

– И очень хорошенькая, вся пошла в мать – что внеш-

---

колад, который дарят «просто друзьям», в отличие от хоммэй-тёко (#####, буквально «шоколад от чистого сердца»), который девушки дарят мужчинам, к которым у них есть романтические чувства. Хоммэй-тёко более дорогой и чаще всего изготовлен вручную.

ностью, что покладистым характером. Думаю, девочка просто поскользнулась на водорослях, упала в море и, возможно, ударилась головой о камень, а затем ее унесло течением, потому-то ее тело так и не нашли, сколько ни искали. Но Фурукава-сан рассказывал, что перед тем случаем ему приснился громадный осьминог, вылезавший из моря на берег как раз подле святилища Хатимана и обвивавший щупальцами стволы тамошних сосен. Фурукава-сан тогда сразу понял, что случится беда, но не догадался, что беда эта коснется его дочурки. Да и к тому же, когда она ушла к святилищу, он работал на кухне в «Тако», а дома была только жена, которой Фурукава-сан про свой сон рассказывать побоялся, ведь если расскажешь кому дурной сон, он обязательно сбудется.

– Вы опять все придумываете, – шепотом ответил Александр.

– Нисколько. Не так давно рыбаки выловили громадного осьминога, которого Фурукава-сан специально приобрел и попросил меня выпустить обратно в море, чтобы умиловать морских божеств и духу его дочери лучше жилось в загробном мире.

– Он попросил вас выпустить осьминога обратно в море?

– Да, именно так, – Кисё кивнул. – Ох и тяжеленный же он был, килограммов пятнадцать, а с полным ведром воды и того больше, да к тому же все время норовил из него вылезти. Я еле дотащил его до пирса, чтобы выбросить не у берега, а там, где поглубже...

– Смотрите-ка, кто пришел! – Негромко, но не без некоторого ехидства вдруг заявила Кими. Судя по всему, она потихоньку трезвела. – Наша столичная принцесса!

Александр обернулся: в «Тако» зашла Томоко – неожиданно одна, на несколько мгновений задержалась у столика возле дальней стены (Александр испугался, что она сядет там и остаток вечера проведет в недосягаемости от него), но потом подошла к барной стойке, села на высокий стул между Кими и Александром и немного смущенно с ним поздоровалась.

– Арэкусандору-сан заказал себе жареного осьминога, вам бы не стоило садиться к нему так близко, Ясуда-сан. – Кисё бросил взгляд в сторону кухни, как будто ожидая, что Фурукава прямо сейчас вынесет для Александра его осьминога.

– Ничего страшного, – тихо отозвалась Томоко. – Арэкусандору-сан может есть то, что ему нравится, я не стану докучать ему своими глупыми замечаниями.

– У вас все в порядке, Ясуда-сан? – Спросил Александр, стараясь, чтобы его голос звучал как можно ласковее. – Вы сегодня одна...

Кими насмешливо фыркнула, а Кисё, к недовольству Александра, так и застыл возле них, делая вид, что протирает салфетками идеально чистые стаканы.

– Игараси-сан (Александр с трудом вспомнил фамилию ее парня) сегодня допоздна работает или уехал куда-то?

– Мы с Акио... – Томоко опустила голову. – Немного по-

ссорились.

Будь она русской девушкой, Александр прямо сейчас погладил бы ее по плечу или накрыл бы ее ладонь своей, но Томоко была японкой, да и делать это под пристальными взглядами Кисё и вредной подвыпившей девицы ему не хотелось.

– Это я виновата, – тихо проговорила Томоко. – Но не могла же я тогда не привести вас и Камату-сана к себе домой...

– Нас кто-то увидел и рассказал об этом вашему другу?

Она кивнула:

– Его приятель, он работает в якитории неподалеку от моего дома. Акио нас недавно познакомил, его Ёсио<sup>109</sup> зовут. Мне показалось, я ему сразу без всякой причины не понравилась. В тот вечер он увидел нас на другой стороне улицы, возвращаясь с работы, и сказал Акио, что, когда его нет, его скромница водит к себе мужчин.

Кисё с таким громким стуком поставил на стол вытертый до блеска стакан, что Александр вздрогнул.

– Акио сразу вспылил и не захотел слушать моих объяснений, – еще тише произнесла Томоко. – Он меня теперь никогда не простит.

– Ну, перестаньте, Ясуда-сан. Игараси-сан подумает хорошенько и поймет, что был не прав. – Кисё подошел ближе. – Ведь это просто недоразумение.

---

<sup>109</sup> ##, имя повара из якитории «Анко» состоит из иероглифов «красивый» и «мужчина».



– Нет. – Она покачала головой. – Я Акио хорошо знаю. Если уж он что-то вбил себе в голову, то ни за что не признает, что был не прав, такой уж у него твердый характер.

– Глупости, Ясуда-сан. Дайте вашему другу немного времени, день или два. Игараси-сан, конечно, вспыльчивый молодой человек, но он не дурак, чтобы потерять такую девушку, и он искренне любит вас.

– Камата, ты там что, уснул, что ли?! – Дверь кухни распахнулась, и на пороге появился Фурукава с тарелкой жареного осьминога с рисом. – Опять с девчонками ласы точишь?! – Он подошел и поставил тарелку перед Александром. – Вот, пожалуйста, вы такого вкусного осьминога не найдете во всей Японии, от Саппоро до Фукуоки. Ээ, а что это ты такая печальная, девочка? Кто тебя обидел? Этот рыжий прохвост или иностранец?

Томоко слабо улыбнулась в ответ.

– Все мужики одинаковы, – вставила Кими Араи. – Сначала наболтают бог весть чего, а потом сбегут, поджав хвост, а нам плачь...

Старый повар смерил ее осуждающим взглядом.

– От такой, как ты, не то что мужчина, а и самый задрипаный бни сбежит, поджав хвост. Каждую пятницу напиваешься, никакого стыда у тебя нет.

– Да пошел ты в жопу, старый дурак! – Беззлобно огрызнулась Кими. – Только и делаешь, что напускаешь на себя строгости, а на самом-то деле ты добрый. Я сама видела, как

ты вместо жены развешиваешь на крыше белье и таскаешь из магазина продукты. Был бы ты помоложе, я бы положила на тебя глаз.

– Боже меня упаси! – Фурукава погрозил ей кулаком, развернулся и пошел обратно в кухню. – Уж лучше бы я всю жизнь прожил бобылём со своим котом Куро, чем с женушкой вроде тебя!

– Вся Химакадзима знает... – начала Кими говорить ему вслед, но Кисё, стоявший рядом, вдруг протянул руку и зажал девушке рот ладонью, так что окончание фразы она пробубнила тихо и неразборчиво, и Фурукава уже не мог ее слышать, – ...как ты до сих пор убиваешься по своей дочке.

– Говорят, – Кисё убрал руку от ее лица, – что есть дни, когда злые духи бродят среди людей, заглядывают в их души и находят в них самое дурное, что в обычные дни покоится глубоко на дне. И тогда люди бросают друг другу в лицо жестокие вещи и припоминают старые обиды.

Александр хмуро жевал похожий на резину кусок жареного осьминога. Близость Томоко одновременно волновала и раздражала его. Хотелось увести ее из этого пропахшего рыбой места на улицу, где шел сейчас мелкий дождь и почти не было ветра, как будто тайфун смилостивился над жителями острова и решил дать им очередную короткую передышку.

– А почему бывают такие дни, Камата-сан? – Спросила Томоко. – Вы знаете?

– Почему? – Кисё некоторое время помолчал. – Я никогда над этим не задумывался. Но это всегда случается перед сильным штормом.

– Перед штормом? Странно... почему так?

– Думаю, потому что злые духи носятся по воздуху вместе с пронизывающим холодным ветром и катаются на штормовых волнах, как дети на горках на детской площадке. Вот они и покидают свои дома загодя и бродят по улицам в ожидании шторма, а заодно ищут, кому бы навредить и где бы напроказить, чтобы было о чем вспомнить в тихие летние дни.

Томоко поехала, словно ощутив холодный порыв ветра, хотя в «Тако» было довольно тепло.

– Но шторма же, кажется, не обещали.

– Кто знает... погода-то все портится, Ясуда-сан.

– Да... – Задумчиво согласилась Томоко.

– В июне и июле люди рассказывают много историй про привидения и злых духов, верно?.. – Продолжал официант. – Так что у них много работы, дел невпроворот. А с приходом осенних дождей у ёкаев и юрёй<sup>110</sup>, считайте, начинается отпуск: в рассказах и историях им больше делать нечего, вот они и придумывают себе развлечения кто во что горазд.

Томоко кивнула, но выражение лица у нее было отсутствующее, как будто разговор был ей совершенно не интересен.

– Наверное, тогда мне лучше пойти домой.

---

<sup>110</sup> ## (ё: кай) – самые разнообразные сверхъестественные существа из японской мифологии, и ## (ю: рэй) – привидения, духи и призраки.

– Но вы даже чашки чая не выпили, – удивился Кисё.

– Спасибо большое, Камата-сан, но я правда лучше пойду.

Тетя наверняка волнуется, что меня так поздно нет, она ведь знает, что я сейчас не с Акио.

– Я провожу вас, Ясуда-сан. – Александр тоже поднялся и отложил в сторону одноразовые палочки. – Уже ведь довольно поздно.

– Молодец! – Насмешливо прокомментировала Кими. – Вы, американцы, никогда своего не упустите, верно?

– Арэкусандору-сан, – сказал Кисё неожиданно твердо. – Не делайте этого.

Александр в ответ пристально посмотрел ему в глаза, но японец не смутился и не отвел взгляда.

– Послушайте, не указывайте мне, что я должен делать, а чего не должен. Это, в конце концов, совсем вас не касается.

– Прошу вас, не делайте этого, – повторил Кисё. – Вы не понимаете...

– Слушай, ты... – Александр схватил официанта за ворот рубашки и встряхнул. Кими испуганно взвизгнула и всплеснула руками. – Это ты не понимаешь! Тебе что, мало было?!

Тот оставался невозмутимым и смотрел на Александра строго и немного устало.

– Пожалуйста, перестаньте. – Томоко осторожно дотронулась до руки Александра, и он отпустил Кисё. – Если вам так хочется проводить меня до дома, то проводите, это ведь уже

ничего не изменит.

– Но... Ясуда-сан... – Попытался возразить Кисё.

– Не беспокойтесь, Камата-сан. Ничего страшного не случится, если Арэкусандору-сан меня проводит.

– Правильно, – поддержала ее на свой манер Кими, – нахрен предрассудки, мы тут все свободные женщины, верно, Момоэ? Эй, ты все дрыхнешь? Опять мне тебя переть на себе до дома?! Э-эй! Ну давай, просыпайся уже!

Кисё посмотрел на Александра и покачал головой, но тот отвернулся, чтобы снова не встретиться с ним взглядом.

Он вышел вместе с Томоко на улицу: из-за того, что ветер притих, было теплее и легко дышалось. На противоположной стороне улицы чуть наискосок от них уютно светился автомат с напитками.

– Подождите меня секундочку, Ясуда-сан.

Александр перебежал дорогу, закинул в автомат триста иен мелочью и выбрал чай ходжи<sup>111</sup> и кофе латте. Сам он терпеть не мог ходжи и за время жизни в Японии так и не привык к его дымному привкусу, но остальные напитки были холодными, и он решил: если Томоко выберет себе латте, то теплая пластиковая бутылка, по крайней мере, согреет ему руки. Автомат насыпал сдачу пятииенными монетками.

---

<sup>111</sup> ##### (хо: дзи тя) – весьма специфический на вкус сорт японского зеленого чая, для приготовления которого не ферментированные чайные листья обжаривают в фарфоровой посуде на древесном угле.

Александр не стал их забирать: кто-нибудь найдет и отнесет в ближайшее святилище – ками-сама больше всего любят именно пятииенные монетки, потому что «пять иен» созвучно «кармическим узам»<sup>112</sup>, а еще потому, что у них в центре есть дырочка и из монеты легко сделать талисман на удачу.

Томоко выбрала ходжи и, приняв бутылку обеими руками, поклонилась.

– Не стоит благодарности, Ясуда-сан.

– Нет, что вы... я правда вам очень благодарна. Правда...

Александр открыл свой латте и сделал пару глотков. Латте был сладкий, но не такой приторный, как делал Кисё. На Томоко он взглянуть не решался, поэтому смотрел себе под ноги и прислушивался к негромкому стуку каблучков ее сапожек по асфальту. В Нагоя по ночам никогда не бывало так тихо, разве что в старых жилых кварталах и подле святилищ, но и туда доносился шум автострад и работающих допоздна заведений, и запахи из вытяжных окошек темпурных и тонкацуя смешивались с запахами цветущих на улице растений. Александру вспомнилось, как однажды, гуляя по городу ночью, он видел пару – мужчину и женщину, вышед-

---

<sup>112</sup> Иероглифы в словах 五 (пять иен) и 縁 (кармические узы, родственная связь, судьба) читаются одинаково, как «гоэн» (五縁). Понятие «кармической связи» пришло из буддизма и может трактоваться весьма широко, и, хотя в традиции русского перевода наиболее распространен вариант «родственные узы», могут иметься в виду и любовные, и дружеские отношения. Главное же здесь то, что «гоэн» означает судьбу человека не как некую раз и навсегда заданную предопределенность, но как духовный/жизненный путь, который человек выбирает согласно собственным чувствам и желанию.

ших из бара. Мужчина был одет в строгий костюм типичного сарари-мана<sup>113</sup>, женщина – в узкое темно-бордовое платье с короткой юбкой, черные капроновые чулки и европейские туфли на высоком каблуке. Ее прическа растрепалась, и свисавшие вдоль бледного, полупрозрачного в электрическом свете лица пряди придавали ей сходство с куртизанкой с музейных гравюр. Женщина явно выпила больше мужчины и о чем-то рассказывала ему, периодически смеясь над собственными словами; он молча поддерживал ее под руку. Когда они переходили рельсы железной дороги, пересекавшие улицу, женщина запнулась, потеряла туфлю и громко рассмеялась. Мужчина наклонился, поднял туфлю, попытался надеть ее женщине на ногу, но та продолжала смеяться и, держась руками за плечи своего молчаливого спутника, дрыгала ногой.

– Ну-ка, еще немного! Не промахнись, дорогой! Что за мужчины пошли, смех, да и только! – Она запрокинула голову и расхохоталась. – Все-то у вас выходит мимо! Ах, что же нам делать, бедным женщинам!

Мужчина поймал ее ногу, наклонился и поцеловал тыльную сторону ступни. Женщина вдруг перестала смеяться, ее

---

<sup>113</sup> ###– (сарари:, от англ. salary, «зарплата»). В русском языке этот термин звучит обычно как «салари:-ман», что ближе к английскому оригиналу, однако в японском из-за отсутствия звука «л» слог «ла» заменяется на «ра». Сарари:-маном (###–##, от англ. salary-man) в Японии называют человека, работающего и живущего на зарплату, в основном имеются в виду служащие банков и компаний, где принят дресс-код.

лицо сделалось серьезным и немного грустным, или так только казалось из-за света стоявшего поблизости фонаря.

– Эй, ты что еще придумал? Сейчас поедет поезд, и мы оба погибнем... слышишь, я не хочу, чтобы ты погиб, Иноуэ-сан!<sup>114</sup> Ты же говорил, у тебя сын недавно пошел в младшую школу! Поднимайся скорее, сейчас поедет поезд! Ну же!

Они не обращали внимания на стоявшего в тени Александра, да, видимо, и не замечали его. Мужчина, которого женщина назвала Иноуэ-саном, выпрямился, обхватил ее свободной рукой за талию (в другой он нес так и не надежную ею туфлю), помог перейти через пути и сразу за ними, прислонив женщину спиной к фонарному столбу, вновь опустился перед ней на колени и, поставив злополучную туфлю на землю, обеими руками обхватил натянутую в чулок ступню своей спутницы и прижался к ней лицом. Она снова запрокинула голову и коротко рассмеялась, потом так же резко замолчала. Вскоре по рельсам действительно застучал поезд – неторопливая пригородная электричка из тех, что останавливаются на каждом полустанке. В желтых прямоугольниках окон не было ни одного пассажира.

– Ясуда-сан... простите меня, я понимаю, что это очень личное. Вы действительно так серьезно поссорились из-за нас с вашим другом?

Она кивнула и некоторое время молчала, так что Александр подумал, что она не станет отвечать вовсе. Темнота,

---

<sup>114</sup> ##, фамилия мужчины состоит из иероглифов «колодец» и «верх».



полная запахов моря, водорослей, влажной листвы и земли, обступала их со всех сторон, и казалось, что, кроме вычерченной светом фонарей и отдельных освещенных окон улицы, мира не существует вовсе, и маленький остров одиноко дрейфует в черном, как чернила каракатицы, море под таким же черным беспросветным небом. Александр поежился и отпил еще немного теплого латте.

– Прошлым летом я впервые приехала на Химакадзиму навестить тетю, – наконец проговорила Томоко. – Раньше она всегда сама к нам приезжала: родители были против того, чтобы проводить здесь выходные, вроде как глупо ехать из столицы в такое захолустье, да и папа с тетей – она его старшая сестра – особенных отношений никогда не поддерживал, даже открыток на праздники они друг другу почти никогда не посылали. Но мне очень хотелось посмотреть, как живет тетя, она столько рассказывала, какая здесь смертная скука и ничего, кроме рыбы, рыбаков и рыбного запаха, да еще туристов, приезжающих ловить осьминогов. Ну еще Тако-мацури<sup>115</sup> в августе, перед самым сезоном тайфунов. – По голосу Томоко было слышно, что она улыбается. – Так что в прошлом году я как раз на Тако-мацури сюда и приехала.

– Тогда вы и познакомились с Игараси-саном?

– Ну да. – Она помолчала еще немного. – Он инструктировал школьников, которые должны были нести деревянного осьминога на празднике. Вы его видели, этого осьминога,

---

<sup>115</sup> #####, буквально «Праздник осьминога».

если заходили в местный краеведческий музей, он смешной такой, красный, с глазами, как в анимэ, и ртом трубочкой. В тот день было так весело. После праздника Акио подошел к нам и заговорил с тетей, и она нас друг другу представила. Потом я приехала на новогодние каникулы и в марте, и вот теперь... тетя даже отвела мне комнату, в которой я могу заниматься.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.